

A woman with dark hair and blue eyes is seated on a highly ornate, dark wood throne. She is wearing a red, short-sleeved dress with intricate gold and red embroidery on the neckline and shoulders. On her head, she wears a gold crown adorned with various colored gemstones. She is also wearing large, ornate earrings. The background is a dark, textured wall. The image is framed by decorative yellow scrollwork at the top and bottom.

Гертруда
СМОЛА

Византийская
принцесса

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл
Византийская принцесса

«АСТ»

2007

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Византийская принцесса / Б. Смолл — «АСТ», 2007 — (Гарем
Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-099880-7

Византийской принцессе Теодоре, рожденной в блеске и роскоши императорского двора, судьба сулила счастье и покой. Однако придворные интриги привели к тому, что ей пришлось стать беглянкой и странствовать по Востоку. Но отважная и умная Теодора не сдастся даже в час самой грозной опасности – и твердо верит, что однажды судьба вновь пошлет ей встречу с тем единственным, кого она любит с детских лет... Ранее книга выходила в русском переводе под названием «Адора».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099880-7

© Смолл Б., 2007

© АСТ, 2007

Содержание

Пролог	6
Часть I	16
Часть II	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бертрис Смолл

Византийская принцесса

Bertrice Small

ADORA

Печатается с разрешения Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Bertrice Small, 1980, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

*Константинополь
1341–1346*

Было раннее утро. Над неподвижными водами залива Золотой Рог рваными серыми кло- чьями висел туман. Город Константина спал, еще не зная, что император умер.

Из императорского дворца вышел какой-то мужчина и пошел через широкий зеленый парк позади здания сената. Стражники выпустили его беспрепятственно. Этим целеустрем- ленно шагавшим ко дворцу Мангана человеком был не кто иной, как Иоанн Кантакузин, кото- рый в течение последних тринадцати лет фактически управлял разваливающейся Византий- ской империей. У него за спиной остался Андроник III, уже на погребальных носилках. На совести обаятельного красавца Андроника лежала ответственность за смерть его брата, уби- того по ошибке, и последовавшую за этим раннюю кончину его отца. Ему пришлось свергнуть с престола разъяренного деда, императора Андроника II, и старик поклялся его убить. Андроник стал императором при полной поддержке и помощи своего очень хорошего друга и одного из самых блестящих умов Византии, Иоанна Кантакузина, но после того как его заветное желание осуществилось, он обнаружил, что охота, празднества и красивые женщины интересуют его гораздо больше, чем нужды государства. И Андроник переложил эти скучные дела на плечи своего надежного друга Иоана Кантакузина, назначив его советником. Вот он и трудился не покладая рук. Правительство работало исправно. Любое желание императора неукоснительно исполнялось.

Мать императора, Ксения-Мария, и жена, Анна Савойская, относились к Иоанну Канта- кузину с недоверием, потому что знали: советник – человек с амбициями, – однако Андроник не желал отстранять от дел друга, который так замечательно ему служил.

Но вот Андроник мертв, а его наследнику едва исполнилось одиннадцать лет. Королев- ская семья одержала победу над Иоанном Кантакузином – им удалось получить от лежащего на смертном одре Андроника подпись на документе, в котором единоличным регентом малолет- него императора назначалась императрица Анна. Иоанн Кантакузин не собирался допускать, чтобы империей управляла эта мстительная итальянка и ее священники, так что гражданской войны не избежать, однако прежде всего нужно было переправить в безопасное место свою семью. Он знал, что императрица не остановится перед убийством, впрочем, и он, подумал Иоанн с улыбкой.

Старший сын, пятнадцатилетний Иоанн, останется с ним. Шестилетнего Матфея можно будет укрыть в монастыре при церкви Святого Андрея, что близ Пигийских ворот. Женщины – вторая жена Иоанна Зоя, его дочери и племянница, тоже найдут приют в монастырях. Иоанн был уверен, что Анна не посмеет нарушить неприкосновенность церковного убежища.

Первая жена Иоанна, Мария из Бурсы, умерла, когда их старшей дочери Софии едва исполнилось три года, а Иоанну-младшему – пять. Он скорбел по ней год, а потом женился на греческой принцессе Зое из Македонии. Через десять месяцев после свадьбы родилась Елена, которой сейчас было восемь лет, еще через полтора года появился на свет его младший сын, а два года спустя – младшая дочь Теадора, которой сейчас четыре с половиной года. У них были еще близнецы, мальчики, но свирепствовала эпидемия и через год они умерли. Сейчас Зоя опять носила под сердцем ребенка.

Войдя во дворец Мангана, Иоанн сразу направился в свои апартаменты. Его встретил Лео, слуга.

– Мой господин, он умер?

– Да, – ответил Иоанн. – Несколько минут назад. Немедленно вези Матфея в монастырь Святого Андрея, а я разбужу жену и девочек.

Иоанн поспешил в женское крыло дворца. При его появлении два евнуха у дверей испуганно встрепенулись – им полагалось стоять на страже, но они задремали на своем посту.

– Дорогая, попрощайся с Матфеем, – сказал Иоанн Зое. – Лео сейчас отвезет его в монастырь Святого Андрея.

На долгие обсуждения времени не было. Иоанн перешел в спальню, которую занимали София и Евдокия, и разбудил дочерей.

– Одевайтесь. Император умер. Вы едете во Влахерны, в монастырь Святой Марии, там вам будет безопасно.

София томно потянулась, при этом ее ночная рубашка сползла набок, и открылась смуглая полная грудь. Девушка отбросила назад черные как вороново крыло волосы и надула алые губки. С каждым днем она все больше становилась похожей на свою мать. Подумалось Иоанну: если уж он не может немедленно выдать дочь замуж, то монастырь для нее – самое лучшее место.

– Ох, отец, ну почему нам надо ехать в монастырь? Если начнется гражданская война, то вокруг будет столько красавцев!

Иоанн не стал тратить время на споры, но от него не укрылся похотливый блеск в ее глазах.

– У вас обеих на сборы пять минут, – сказал он строго и быстро пошел в спальню других девочек.

Здесь он позволил себе немного помедлить, с любовью глядя на спящих младших дочерей. Его любимица Елена, с золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами, очень походила на Зою. Придет время, и она выйдет замуж за юного императора, наследника Андроника. Маленькая Теадора спала, засунув пальчик в рот. Сквозь тонкую ткань хлопковой рубашки проступали нежные очертания невинного детского тела. Его загадочная дочь. Иоанн не раз изумлялся, что из всех его детей именно ее отличал быстрый, интуитивный ум. Она едва вышла из младенческого возраста, но казалась намного старше своих лет. Девочка унаследовала тонкие нежные черты своей матери, и со временем превратится в настоящую красавицу. Ни у кого в их семье не было такого цвета волос и глаз, такой кожи цвета густых сливок, слегка тронутый нежно-розовым румянцем на щеках. Ее темные, как дорогое полированное дерево, волосы на солнце отливали золотом, а необыкновенные глаза, опущенные поразительно густыми темными ресницами с золотистыми кончиками, могли менять цвет от аметистового до темно-лилового. Внезапно Иоанн осознал, что глаза дочери открылись и смотрят прямо на него.

– Папа, что случилось?

Иоанн улыбнулся Теодоре.

– Ничего страшного, детка. Император умер, и вам лучше некоторое время пожить в монастыре Святой Варвары.

– Будет война?

Дочь снова поразила его недетской проницательностью, и неожиданно для самого себя он ответил прямо и честно:

– Да, Теадора, будет. Анна в последние минуты жизни императора получила его подпись на документе, по которому она единственный регент.

Девочка кивнула и, немного помолчав, сказала:

– Пойду разбужу Елену. Сколько у нас времени?

– Не много – только на то, чтобы одеться.

Иоанн вышел из комнаты, на ходу качая головой и мысленно поражаясь, как быстро все поняла дочь. Как жаль, что она родилась не мальчиком.

Теодора Кантакузин встала с кровати, спокойно налила в тазик воды, умылась, потом надела поверх сорочки простую зеленую тунику и натянула на ноги уличные сапожки. Сменив в тазу воду, приготовив другую пару сапожек и розовую тунику – для сестры, – Теодора позвала:

– Елена! Просыпайся, соня!

Елена открыла прекрасные глаза и недовольно посмотрела на сестру.

– Зачем ты меня разбудила в такую рань? Еще и солнце толком не встало.

– Император умер! Мы с мамой едем в монастырь Святой Варвары. Одевайся скорее, а не то останешься здесь и попадешь в камеру пыток старухи Ксении-Марии!

Елена нехотя поднялась с постели, и заметив, что сестра собирается уйти, воскликнула:

– А ты куда?

– Пойду поищу маму. Елена, не тяни, собирайся быстрее!

Маму Теодора нашла у входа во дворец: она прощалась с Матфеем. С братом, всего на два года старше Теодоры, они всегда были очень близки. Вот и сейчас они обнялись, и Матфей прошептал:

– Теа, я боюсь! Что теперь будет?

– Ничего с нами не случится, – успокоила она брата, подумав: «Какой же он еще совсем робкий, мальчик!» – Отец отправит нас в безопасное место, под защиту церкви, но ненадолго: скоро мы снова будем все вместе. И потом, ты должен радоваться, что наконец сбежишь от нас, женщин.

Подбодренный словами сестры, Матфей снова обнял ее, потом поцеловал мать, сел на коня и поскакал, как взрослый мужчина. Лео поехал следом за ним.

Следующими уезжали София и Евдокия, и, к радости девушек, в сопровождение им дали целый отряд стражников из дворца Кантакузина. Девушки стали прихорашиваться, захихикали, потом принялись нарочно натекать на молодых солдат, касаясь грудью то мужской спины, то руки. Зоя резко одернула их и приказала вести себя прилично. Девушки посмотрели на мачеху недовольно, но подчинились, потому что уважали: не многие мачехи столь великодушны, и обе это понимали.

Жену и двух младших дочерей Иоанн Кантакузин собирался сопровождать сам. Он поступил мудро, разослав членов своей семьи по разным местам, – так легче скрыть их местонахождение. Монастырь, в котором надлежало укрыться Матфею, находился у западной окраины города, возле Пигийских ворот. Женский монастырь, в который отправил он Софию и Евдокию, располагался в северо-восточной части города, близ ворот Влахерны, а Зоя с самыми младшими будет укрываться в монастыре Святой Варвары на берегу реки Лик, за границами старой стены Константинополя, рядом с пятыми военными воротами.

Иоанн помог беременной жене устроиться в их паланкине вместе с Теадорой и Еленой. Уже почти рассвело, и первые лучи солнца, просеиваясь сквозь серые, позолоченные по краям облака, отбрасывали радужные блики на воду залива Золотой Рог.

– Ах! – вздохнула Теодора. – Это самый красивый город на свете! Ни за что не хочу жить в другом месте.

Зоя улыбнулась дочери.

– Но, возможно, все-таки придется. Однажды станешь женой принца из какой-нибудь другой страны, и тогда тебе придется отсюда уехать.

– Да я скорее умру, чем уеду! – горячо воскликнула девочка.

Зоя улыбнулась. Пусть Теодора и унаследовала блестящий ум своего отца, но все равно она всего лишь женщина. Рано или поздно она научится с этим смириться. В один прекрасный день она встретит мужчину, и тогда, думала Зоя, происходящее в этом городе уже не будет иметь для нее значения.

Они миновали церковь Святой Феодосии, и хотя это был все еще город, пейзаж вокруг них стал меняться: вместо городских построек они видели вокруг комфортабельные виллы в

окружении великолепных ухоженных садов. Вот и мост через Лики. Примерно через милю по грунтовой проселочной дороге они свернули направо и вскоре оказались перед солидными бронзовыми воротами в белой кирпичной стене женского монастыря Святой Варвары.

В приемной их встретила сама настоятельница, преподобная мать Тамара. Иоанн Кантакузин преклонил колено и поцеловал перстень на протянутой ему тонкой аристократической руке, потом обратился с формальной просьбой:

– Прошу у вас убежища на неопределенный срок для моей жены, дочерей и еще не рожденного ребенка.

– Убежище предоставлено, – без всякого выражения ответила настоятельница, высокая, сурового вида женщина.

Иоанн встал, помог Зое сойти с паланкина и представил ее настоятельнице монастыря. При виде детей лицо матери Тамары смягчилось.

– Мои дочери, принцесса Елена и принцесса Теадора, – тихо проговорил Иоанн.

«Вот, значит, как, – подумала монахиня. – Что ж, члены его семьи имеют право на эти титулы, хотя и пользуются ими редко».

Иоанн отвел жену в сторонку, что-то тихонько ей сказал и, нежно поцеловав, повернулся к дочерям.

– Если я принцесса, – сказала Елена, – значит, должна выйти замуж за принца. Правда, папа?

– Девочка моя, ты принцесса, но я надеюсь, что когда-нибудь станешь императрицей.

Голубые глаза Елены стали огромными как блюдца.

– А Теа? Она тоже станет императрицей?

– Мужа для Теадоры я пока не выбрал.

Елена бросила на младшую сестренку победный взгляд.

– Может, стоит выдать ее за турецкого султана? Особенно если ему нравятся фиолетовые глаза!

– Ни за что не стану женой неверного! – возмущенно воскликнула Теадора. – Да и папа никогда не поступит так со мной, зная, что я буду несчастна.

Елена самодовольно улыбнулась.

– Если папа прикажет, никуда ты не денешься. И тогда тебе придется уехать отсюда. Навсегда!

– Если мне все-таки придется выйти за него замуж, – парировала Теадора, – я сделаю так, чтобы он привел сюда армию и захватил наш город. И тогда императрицей стану я, а не ты!

– Елена, Теадора, перестаньте! – мягко пожурила дочерей Зоя, но Иоанн Кантакузин от души рассмеялся и воскликнул, взъерошив волосы Теадоры:

– Птенчик ты мой! Воистину тебе нужно было родиться мальчишкой. Сколько в тебе огня! Какой задор! А уж ум! Твоей логике и мужчина позавидует. Обещаю найти тебе самого лучшего мужа.

Иоанн поцеловал обеих девочек и быстро зашагал к воротам. Покинув святую обитель, он вскочил на коня, помахал жене и дочерям и ускакал, уверенный, что семья в безопасности и можно начинать битву за византийский престол.

Борьба предстояла нелегкая, ведь население Византии разрывалось между Палеологами и Кантакузинами, и те и другие были достойны преданности и уважения. Кого все-таки поддерживает народ: малолетнего сына покойного императора или того, кто многие годы фактически управлял империей? Кроме того, существовало опасение, и фракция Кантакузина его поддерживала, что императрица Анна Савойская намеревается повести Византию обратно к ненавистному Риму.

Иоанн Кантакузин и его старший сын покинули Константинополь, чтобы двинуть свои войска против юного Иоанна Палеолога. Ни одна из противоборствующих сторон не желала вредить любимому городу, поэтому бои должны были происходить за пределами столицы.

Кантакузин предпочитал военным столкновениям дипломатию, но ему не оставили выбора. Его смерти желали сразу две вдовствующие императрицы, и то, что должно было стать быстрой победой, превратилось в войну, затянувшуюся на несколько лет. Переменчивые византийцы то и дело меняли направление своих симпатий, и Иоанн Кантакузин был вынужден обратиться за помощью к туркам Оттоманской империи, занимавшей противоположный берег Мраморного моря. Турецкие наемники в его войске сражались как львы, однако Кантакузин никогда не мог быть уверен, что кто-то из них не перевернется к противнику, если тот заплатит больше. Ему нужна была армия, на которую он мог положиться.

Сторона Палеологов тоже обратилась за помощью к султану Орхану, но, к сожалению, могла предложить только деньги, а султан знал, что императорская казна пуста. Иоанн же Кантакузин предложил золото, которое у него действительно было, форт Цимпа на полуострове Галлиполи и главное – свою дочь Теадору. Если Орхан примет его предложение, турки получат первый опорный пункт в Европе – Цимпу, причем не пролив ни капли крови. Предложение было слишком соблазнительным, чтобы от него отказываться, и султан его принял. В распоряжение Иоанна Кантакузина были переданы шестьсот лучших воинов. Действуя вместе с византийскими войсками, они заняли города на побережье Черного моря, разграбили Фракию и стали серьезной угрозой Адрианополю. Вскоре был осажден и Константинополь, где укрылся юный император.

Теадора, пребывая в безопасности за стенами монастыря Святой Варвары, знать не знала, что скоро выйдет замуж и супруг будет на пятьдесят лет старше ее. Зоя же, которой было известно о договоре супруга, плакала день и ночь из-за того, что ее нежная малышка будет принесена в жертву политике. Она была уверена, что султан помог Иоанну только потому, что хотел заполучить Теадору. Зоя была очень набожной и знала, что церковь хранила память о порочных нравах неверных. Любящей матери даже в голову не приходило, что в действительности султану нужна была Цимпа.

Теадоре со злорадством сообщила новость сестра Елена. Старше Теадоры на четыре года, Елена с золотистыми волосами и прекрасными голубыми глазами казалась сущим ангелочком, но характер у нее был далеко не ангельский. С эгоистичной, тщеславной и жестокой девицей мягкая Зоя, конечно, справиться не могла и влияния на нее не имела.

И вот однажды, когда мать Тамара оставила девочек одних, чтобы освоили новый вид стежков в вышивании, Елена прошептала:

– Знаешь, сестрица, для тебя нашли мужа: станешь третьей женой старого язычника и проведешь всю оставшуюся жизнь взаперти в его гареме, а я... я тем временем буду править Византией.

Сестра расхохоталась, а Теадора в ужасе воскликнула:

– Ты лжешь! Этого не может быть!

– А вот и нет, не лгу, спроси у мамы. Думаешь, почему она в последнее время так часто плачет? Отцу нужны надежные солдаты, и он предложил обменять тебя на войско. Я слышала, что туркам нравится спать не только с девочками, но даже с мальчиками.

Понизив голос, Елена принялась описывать отвратительные извращения. Теадора побледнела и вдруг без чувств упала на пол. Сестра некоторое время с любопытством разглядывала ее, но потом все же позвала на помощь. Когда мать спросила, что стряслось, Елена не моргнув глазом ответила, что понятия не имеет. Впрочем, как только Теадора очнулась, эта ложь быстро открылась. Зоя редко наказывала детей физически, но в этот раз так рассердилась, что надавала Елене пощечин, чтобы сбить спесь с ее самодовольного лица, и приказала слугам:

– Уведите ее отсюда! Заберите от меня, пока я не забила ее до смерти.

Когда они остались одни, Зоя обняла младшую дочь и, укачивая как ребенка, попыталась успокоить.

– Ну-ну, дорогая, не расстраивайся: все не так уж плохо.

Теадора всхлипнула.

– Елена сказала, что султану нравится спать с маленькими девочками и что он сделает мне больно, потому что, когда мужчина любит женщину, ей от этого больно, а я же ведь еще не женщина! Значит, мне будет еще хуже. Мама, я наверняка умру!

– Теа, твоя сестра не только жестокая, но еще и глупая, к тому же ничего толком не знает. Да, ты должна выйти замуж за султана Орхана, потому что твоему отцу нужна помощь. Послужить своей семье, вступив в выгодный брак, – это почетная обязанность принцессы. Какую еще пользу может принести женщина? Однако твой отец договорился с султаном, что ты не будешь жить в его доме до тех пор, пока не повзрослеешь. Если повезет, Орхан к тому времени умрет, и тогда ты вернешься домой и выйдешь замуж за доброго христианина. А до тех пор ты будешь жить в собственном доме за стенами монастыря Святой Екатерины в Бурсе. Твое пребывание там станет гарантией помощи Орхана твоему отцу.

Девочка шмыгнула носом и, теснее прильнув к матери, попросила:

– Мама, пожалуйста, не заставляй меня уезжать. Уж лучше я стану монахиней и останусь здесь, в монастыре.

– Девочка моя! – воскликнула Зоя так громко, что Теадора, вздрогнув, испуганно посмотрела на мать. – Ты что, не услышала ни слова из того, что я тебе только что сказала? Ты Теадора Кантакузин, принцесса Византии, и твой долг – служить своей семье, не забывай об этом. Никогда! Выполнять свой долг не всегда приятно, но именно это отличает нас от простолюдинов, которые живут только для того, чтобы удовлетворять свои примитивные желания. А ты, дорогая, не имеешь права уклоняться от исполнения своего долга.

– Когда нужно ехать? – спокойно спросила девочка.

– Сейчас твой отец занят: руководит осадой города. Как только Константинополь будет взят, мы решим.

Но взять город оказалось вовсе не легко. Со стороны суши за рвом шириной шесть футов и глубиной двадцать два высились три ряда стен в двадцать пять футов толщиной. Обычно ров оставался сухим, но во время осады его заполняли водой из нескольких труб. Первая стена – более низкая – служила защитой лучникам; следующая за ней возвышалась над вторым уровнем на двадцать семь футов и могла служить укрытием целому войску, а за ней стоял третий бастион, самый мощный. В башнях высотой футов семьдесят находились лучники, стояли машины для метания греческого огня и катапульты. Со стороны моря Константинополь защищала одна-единственная стена. При башнях, построенных через одинаковые промежутки, имелось семь гаваней. Поперек залива Золотой Рог была натянута толстая цепь, чтобы в залив не заходили корабли нежелательных гостей. Два предместья Константинополя на противоположном берегу, Галата и Пера, тоже были защищены мощными стенами.

Осада города длилась целый год, и весь этот год ворота Константинополя оставались закрытыми для Иоанна Кантакузина, хотя присутствие его армии под стенами города на суше и турецкого флота со стороны моря, напротив гаваней, начинало сказываться. В городе подходили к концу запасы продовольствия и других жизненно важных товаров. Кантакузин обнаружил источник, питавший главные акведуки города, и направил воду в другую сторону, так что столица оказалась еще и обезвоженной.

Потом в Константинополе началась чума. Новорожденная Зои Кантакузин, девочка, родившаяся в монастыре, умерла. Испугавшись, что Теадора тоже может умереть, и тогда он лишится помощи султана, Иоанн Кантакузин устроил жене и двум младшим дочерям побег из города. В женском монастыре Святой Варвары об этом знали всего двое: настоятельница

мать Тамара и молодая монахиня, дежурившая у ворот. Бежать решили в первую же безлунную ночь. По счастливой случайности в ту ночь еще и буря разыгралась.

Зоя и ее дочери в облачении монахинь приютившего их монастыря вышли в ночь и направились к пятым военным воротам. Сердце женщины громко колотилось, рука, державшая фонарь, дрожала так, что невозможно было с этим справиться. Зоя всю жизнь была окружена рабами, никогда не ходила по городу, тем более без сопровождения, так что побег оказался самым большим приключением в ее жизни. Да, ей было страшно, но она шла вперед, полная решимости, и глубоко дышала, чтобы побороть страх. Их темные одежды из грубой ткани трепал сильный ветер, мочил дождь. Елена принялась было ныть, но мать твердо велела ей замолчать. Теодора шла вперед, не поднимая головы. Месяцы осады города отцом стали для нее чем-то вроде благословенной отсрочки приговора, ведь в самом конце этого путешествия ее ждал брак с турецким султаном. Теодора думала об этом с ужасом и, как мать ни успокаивала ее, не могла выкинуть из головы жестокие слова Елены, однако ничем не выказывала своего страха. Ей не хотелось давать сестре повод позлорадствовать, но еще больше не хотелось расстраивать мать.

Вот они приблизились к возвышающейся в темноте башне пятых военных ворот. Зоя достала из кармана в складках одежды пропуск, подписанный еще раньше в городе одним из генералов византийской армии, который симпатизировал Иоанну Кантакузину, потом еще раз проверила, хорошо ли скрыты лица дочерей под густыми черными вуалями, и напонила:

– Вы должны идти, не поднимая глаз, а руки все время прятать в рукава, и ни в коем случае не произносить ни слова! Елена, я знаю, ты уже в том возрасте, когда девушку интересуют мужчины, но помни, что монашки не должны обращать на них внимания. Если начнешь заигрывать, как-то привлекать к себе внимание, нас схватят, и в этом случае ты никогда не станешь императрицей, так что следи за собой.

Первое испытание ждало их через несколько секунд.

– Стой! Кто идет?

Им преградил дорогу молодой солдат, и пришлось остановиться.

– Я сестра Ирина из монастыря Святой Варвары, – сказала Зоя. – Нам с помощницами необходимо выйти из города, чтобы помочь принять роды. Вот мой пропуск.

Стражник, быстро взглянув на кусок пергамента, сказал:

– Сестра, вам нужно поговорить с капитаном, он в караульном помещении. Вы с монахинями можете пройти через пропускной пункт.

Солдат показал на лестницу, что тянулась вдоль стены башни и вела к площадке перед какой-то дверью.

Зоя с дочерьми стала медленно и осторожно подниматься по каменной лестнице. Перил не было, дул сильный ветер, так что им приходилось прижиматься к стене. Один раз Елена поскользнулась и, едва не упав, вскрикнула от испуга. Теодора взяла старшую сестру за руку и подтолкнула, поднимая на ноги. Наконец они поднялись на площадку. Зоя открыла дверь, и они вошли в караульное помещение.

Капитан взял из тонкой белой руки Зои кусочек пергамента, их пропуск, спросил:

– Ты врач?

В Византии женщины-врачи не были редкостью.

– Да, капитан.

– Можешь посмотреть одного из моих людей? Он сегодня упал, и мне кажется, у него перелом в запястье.

– Конечно, капитан, – согласилась Зоя с уверенностью, которой не чувствовала. – Но, если можно, я осмотрю его на обратном пути. У твоего солдата случай не такой срочный, а нас вызвали к молодой жене одного старого бездетного купца. Он очень ждет этого ребенка и боится за жену, к тому же всегда был очень щедр к монастырю Святой Варвары.

Теодора слушала мать в полном изумлении: голос ее был совершенно спокойным, слова звучали правдоподобно, – и в эту минуту стала уважать ее во сто крат больше.

– Сестра, он мучается, – сказал капитан.

Зоя достала из кармана небольшую коробочку и, вытряхнув из нее две маленькие позолоченные пилюли, сказала:

– Пусть примет эти пилюли. Боль утихнет, и он проспит до моего возвращения.

– Большое спасибо, добрая сестра.

Капитан пожелал им благополучного путешествия и пропустил. Зоя и девочки молча последовали за солдатом, спустились на несколько пролетов лестницы и вышли в длинный каменный коридор, стены которого покрывала зеленая слизь. Воздух здесь был таким сырым и холодным, что пробирал до костей. На стенах, в ржавых железных держателях, горели чадящие смоляные факелы, освещая коридор.

– Где мы? – спросила Зоя у их проводника.

– Под стенами, – ответил тот. – Я выведу вас наружу через маленькую заднюю калитку на другой стороне рва.

– Мы сейчас подо рвом?

– Да, сестра, – усмехнулся солдат. – От воды нас отделяет лишь пара футов земли да несколько плиток.

Теодора плелась за матерью и все слышала. От этих слов ей стало страшно, но она подавила страх, а побледневшая Елена едва дышала.

«Пожалуй, еще в обморок хлопнется! – подумала, глядя на нее, Теодора. – Только этого нам не хватало!» Протянув руку, она ущипнула сестру, чтобы привести в чувство. Елена ахнула и посмотрела на младшую сестру со злостью, но на щеки ее начал возвращаться румянец.

Впереди показалась небольшая дверь в стене. Солдат остановился и снова зажег фонарь, с которым пришла Зоя, потом вставил в замок большой ключ и медленно повернул. Дверь бесшумно отворилась, в туннель ворвался порыв ветра и надул их рясы, огонь в фонаре затрепетал.

– Желаю удачи, сестры, – произнес солдат.

Зоя и девочки вышли наружу, и солдат быстро закрыл за ними дверь. Несколько мгновений они стояли молча, потом Зоя подняла фонарь и сказала:

– Я вижу тропинку: нам нужно идти по ней до тех пор, пока нас не встретят люди вашего отца. Думаю, это недалеко. Идемте.

Через несколько минут пути Теодора вдруг остановилась и жалобно попросила:

– Мама, давайте постоим минутку: хочу последний раз взглянуть на город. Может статься, я больше никогда его не увижу.

Она повернулась, но смогла разглядеть только высокие стены и башни, темные на темном фоне, и, разочарованно вздохнув, грустно сказала:

– Ладно, пошли дальше.

Ветер усилился, дождь хлестал сильнее, а они все шли и шли. Их и без того тяжелые рясы промокли и стали еще тяжелее, обувь пропиталась водой, каждый шаг превратился в пытку. И вдруг впереди показали мерцающие огни. Вскоре их окружили солдаты, среди которых они с облегчением заметили знакомое лицо Лео.

– Ваше величество! Слава богу, вы наконец с нами! Теперь вы в безопасности, и принцессы тоже! Мы не знали, придете ли вы этой ночью: погода-то какая.

– Лео, для нашей затеи сегодняшняя погода просто благословение Божье. На улицах не было ни души, так что никто нас не видел.

– Все прошло гладко?

– Да, но где мой супруг? Мне не терпится его увидеть.

– Он ждет вас в лагере в нескольких милях отсюда. Если ваше величество позволит, я помогу вам сесть в повозку. Средство передвижения, к сожалению, не слишком удобное, но все лучше, чем идти пешком.

Для Теадоры следующие несколько дней прошли как в тумане. В лагерь отца они добрались благополучно. Там их ждала горячая ванна и теплая сухая одежда. Теадора успела немного поспать, прежде чем ее разбудили. Путешествие до Селимбрии, где Иоанн основал временную столицу, заняло два долгих дня. Под проливным дождем повозка с трудом передвигалась по раскисшим от воды дорогам.

С тех пор как Теадора видела в последний раз отца, прошло почти шесть лет. Иоанн Кантакузин обнял дочь, а потом, чуть отстранившись, как следует разглядел. То, что он увидел, его явно удовлетворило.

– Ну, Теа, – сказал он с улыбкой, – Орхан Гази будет тобой очень доволен. Девочка моя, ты стала настоящей красавицей. У тебя уже появились крови?

– Нет, папа, – спокойно ответила Теадора и подумала: «И еще много лет могут не появиться».

– Жаль, – заметил император. – Возможно, лучше тогда отправить к султану твою сестру. Турки любят блондинок, и она уже готова стать женщиной и матерью.

«Да-да! – обрадовалась Теадора. – Отправь к этому старику Елену!»

– Нет, Иоанн. – Зоя Кантакузин подняла взгляд от вышивания. – Теа сама выполнит свой долг перед семьей. Правда, дорогая?

– Да, мама, – глубоко вздохнув, чуть слышно прошептала Теадора.

Зоя улыбнулась.

– Молодому Палеологу семнадцать, он уже мужчина и готов взять в постель жену, а Елене четырнадцать, но она тоже готова к замужеству, так что оставь все как есть.

– Хорошо, любовь моя, – согласился Иоанн кивая.

Через несколько дней состоялась свадьба Теадоры. Жених на церемонии не присутствовал, но прислал вместо себя уполномоченного, христианина. После венчания молодую жену отвели в военный лагерь императора и усадили на украшенный драгоценностями трон, установленный на покрытом коврами постаменте, присланном султаном специально для этого случая. Трон был со всех сторон занавешен полотнищами красного, голубого, серебристого, пурпурного и золотого шелка. Внизу, у подножия трона, стояли с оружием христианские и мусульманские воины, и только сам император сидел на коне. По его сигналу занавеси раздвинули, и все увидели невесту в окружении стоявших на коленях евнухов со свадебными факелами.

Под звуки флейт и фанфар Теадора Кантакузин была торжественно провозглашена женой султана Орхана. Хор запел здравицу в честь невесты, прославляя ее красоту, великую щедрость и преданность церкви, а Теадора тем временем предавалась своим мыслям. В церкви она была мрачнее тучи, но потом мать сказала, что ей следует улыбаться, чтобы не разочаровать народ, поэтому она изо всех сил старалась выглядеть счастливой.

На следующее утро, когда ее уже вот-вот должны были увезти, Теадора вдруг разразилась рыданиями.

– Девочка, все принцессы так себя чувствуют, когда впервые уезжают от своей семьи, – попыталась в последний раз успокоить дочь Зоя. – И я тоже плакала. Но ты не должна предаваться жалости к себе: не пристало Теадоре Кантакузин, византийской принцессе, показывать слабость перед теми, кто ниже ее по положению.

Девочка поежилась и, глубоко вздохнув, спросила:

– Мама, но ты ведь будешь мне писать?

– Регулярно, дорогая. А теперь вытри глаза: не стоит оскорблять своего господина видом слез.

Теадора осушила лицо, и ее повели к паланкину, занавешенному парчой, чтобы отнести на корабль, который по Мраморному морю поплывет в Скутари, где ее ждет султан Орхан. Сопровождать невесту предстояло присланной султаном армии кавалерии и тридцати кораблям.

Теадора в бледно-голубом платье свободного покроя казалась хрупкой и ранимой, несмотря на то что оно было отделано по подолу, вырезу горловины и низу рукавов богатым цветочным орнаментом, вышитым золотом. Зоя сама чуть не плакала, глядя на дочь, – такой трогательно юной та выглядела.

Никто из Кантакузинов не проводил девочку на корабль. С того момента как вошла в королевский паланкин, Теадора осталась одна: так полагалось, и так на протяжении многих лет.

Через год ворота Константинополя открылись перед Иоанном Кантакузином, а еще через несколько месяцев его дочь Елена стала женой юного соправителя Кантакузина, Иоанна Палеолога. Свадьбу отпраздновали со всей помпой, как и положено у православных.

Часть I

Теадора

1350–1351

Глава 1

Женский монастырь Святой Варвары славился своим богатством, хотя и не мог похвастаться занимаемыми площадями. Так было не всегда. Нынешнее процветание обители объяснялось тем, что в ее стенах пребывала одна из жен султана, византийская принцесса Теадора Кантакузин.

Теадоре Кантакузин хоть и исполнилось всего тринадцать, но она уже была вполне способна зачать и выносить ребенка, однако султану Орхану было не до нее. В свои шестьдесят два он имел полный гарем взрослых женщин: как невинных, так и опытных. Маленькая христианская девственница, которую по его приказу поселили в монастыре, была просто предметом политической необходимости, поэтому оставалась совершенно невестребованной. Однако даже пресыщенный Орхан не стал бы отмахиваться от Теадоры, если бы увидел ее. Из угловатой худенькой девочки она превратилась в высокую стройную девушку с изящными руками и длинными, идеальной формы ногами, гибкой фигурой, упругой полной грудью и нежным личиком в форме сердечка. Хоть Теадора и выходила на открытый воздух, ее гладкая кожа никогда не загорала, поэтому сохранила цвет сливок. Ее волосы цвета красного дерева на солнце казались посыпанными золотой пылью и доходили до округлых ягодиц. В фиалковых глазах поразительной чистоты, как и раньше, светилась доброта, неизменным остался также маленький прямой носик и чувственный ротик с пухлой нижней губой.

На территории монастыря у нее были собственные апартаменты с гостиной, хотя к ней никто не приходил, столовой, кухней, двумя спальнями, ванной и комнатами для слуг. Теадора жила здесь в изоляции от мира, но в полном довольстве, ни в чем не нуждаясь. Ее вкусно кормили и хорошо охраняли, но за пределы монастыря выходить не разрешали, ну а если она все-таки выходила, то в сопровождении не меньше чем полудюжины крепких монахинь и с лицом, скрытым под густой вуалью.

В лето того года, когда Теадоре исполнилось тринадцать, ее жизнь внезапно изменилась. День был такой жаркий, что все слуги, разомлев от липкой духоты, задремали, даже монахини, что охраняли ее. Теадора, умирая от скуки, отважилась выйти в монастырский двор, окруженный высокими стенами. Неожиданно легкое дуновение ветерка донесло до нее из фруктового сада аромат созревающих персиков, однако калитка оказалась запертой. Теадору разобрала досада, и от этого еще сильнее захотелось сочного персика. Но как же попасть во фруктовый сад? И она нашла способ. Угол, где стена фруктового сада смыкалась с монастырской стеной, отделявшей территорию обители от улицы, был плотно затянут разросшейся узловатой виноградной лозой. Теадора подобрала полы светло-зеленого хлопкового платья – благо оно было простого фасона, наподобие туники – и вскарабкалась по лозе как по лестнице на самый верх стены. Обрадовавшись, что все оказалось так просто, она осторожно прошла по стене, высматривая похожее растение, по которому можно было бы спуститься во фруктовый сад, и, обнаружив подходящее, полезла вниз. Выбрав несколько самых аппетитных персиков и рассовав их по карманам, Теадора пустилась в обратный путь. Стена, однако, в нескольких местах сильно обветшала: многие годы по ней ходили только коты, которых привлекала охота в монастырских садах. Опьяненная успехом своей миссии, не глядя под ноги, Теадора вдруг почувствовала, что

падает, но, к ее удивлению, вовсе не на землю. Взвизгнув, она поняла, что оказалась в чьих-то сильных руках, которые вовсе не торопились ее отпустить. Сфокусировав взгляд, она увидела в опасной близости от своего лица угольно-черные глаза.

– Ты воришка? Или просто маленькая озорная монашка? – спросил их обладатель.

– Ни то ни другое, – буркнула Теадора, удивившись, что еще способна говорить. – Пожалуйста, поставь меня на землю.

– Не поставлю, пока не скажешь, кто ты, красавица с фиалковыми глазами. На тебе нет чадры – значит, ты не турчанка. Тогда кто?

К Теадоре никогда еще не прикасался ни один мужчина, кроме отца, но оказалось, что это вовсе не страшно. Твердость торса незнакомца почему-то внушала доверие, и пахло от него солнечным светом.

– Ну что, малявка, язык проглотила? – мягко спросил он.

Теадора покраснела и в досаде закусила губу: почему-то вдруг показалось, что он знает, о чем она думала.

– Я послушница этого монастыря, – наконец вымолвила девушка. – Не будешь ли ты так любезен помочь мне взобраться на стену? Если обнаружат мое отсутствие, мне попадет.

Незнакомец поставил Теадору на землю и, быстро взобравшись на стену, наклонился, подал ей руки и подтянул вверх. Затем так же легко он спрыгнул в монастырский двор и сказал, протянув ей руки:

– Фиалковые глазки, прыгай!

Не ощущая страха, Теадора спрыгнула, и незнакомец без труда поймал ее, поставил на ноги и усмехнулся:

– Ну вот, теперь тебя не за что ругать. С какой стати ты вообще полезла на эту стену?

Почувствовав себя увереннее, Теадора бросила на него лукавый взгляд, потом, сунув руку в карман платья, достала персик и просто сказала:

– Вот зачем.

В следующее мгновение она впилась в персик зубами, и по подбородку потек сладкий сок.

– Ты всегда получаешь все, что хочешь?

– Да, но обычно я мало чего хочу. Калитка была заперта, поэтому я залезла на стену.

Молодой человек рассмеялся, потом произнес:

– Меня зовут Мурад. А тебя?

– Теадора.

– Слишком официально. Ты самое восхитительное создание на свете, и я буду звать тебя Адорой.

Она покраснела, а когда он наклонился и поцеловал ее, и вовсе ахнула от удивления.

– Ой! Как ты посмел? Никогда больше не делай так! Я замужняя женщина.

Черные глаза озорно блеснули.

– Но готов поспорить, Адора, что это был твой первый поцелуй.

Теадора густо покраснела и попыталась отвернуться, но он нежно взял ее за подбородок большим и указательным пальцами и добавил:

– А еще, готов поспорить, твой муж – старик. Ни один молодой мужчина из плоти и крови не оставил бы тебя чахнуть в монастыре, ты просто возмутительно красива.

Теадора подняла на него взгляд, и Мурад с удивлением и восхищением увидел, что на солнце ее глаза сияют подобно аметистам.

– Я не видела мужа несколько лет, это правда, но ты все равно не должен разговаривать со мной таким образом. Он хороший человек. Уходи, пожалуйста. Если тебя здесь застанут, неприятности будут и у тебя, и у меня.

Юноша не двинулся с места и, словно не слыша ее, сказал:

- Завтра начинается неделя полнолуния. Я буду ждать тебя здесь, в саду.
- Я не приду, даже не думай!
- Адора, ты меня боишься? – поддразнил ее Мурад.
- Нет!
- Так докажи это – приходи.

Он протянул к ней руки, привлек к себе и поцеловал – медленно, нежно, едва сдерживая страсть. На какое-то короткое мгновение она ему уступила, и у нее в голове пронеслось все, что они с подружками говорили о поцелуях. Теадора вспомнила это и вдруг поняла, что они ничегошеньки не знали. Поцелуй был невероятно сладким и таким приятным, что это невозможно представить даже при самом буйном воображении. От этого поцелуя по ее жилам словно растекался жидкий, тягучий как мед огонь, и ее тело ослабело.

Оторвавшись от ее губ, Мурад нежно прижал девушку к себе. На мгновение их глаза встретились, и между ними проскочило что-то странное, похожее на искру или удар молнии. В то же мгновение Теадора пришла в ужас от собственной реакции на него, вырвалась из объятий и бросилась бежать по аккуратно посыпанной гравием тропинке. Мурад рассмеялся ей вслед и громко произнес:

- До завтра, Адора.

Теадора вбежала в свои покои и, содрогаясь как в лихорадке, рухнула на кровать, совсем забыв о персиках. Те же вывалились из ее карманов и покатались по полу, как мячики.

Теадора и не представляла, что поцелуй может быть таким... Никак не получалось подобрать подходящее слово. Таким... мощным? Интимным? Да, именно таким он и был: интимным. Это было вторжение в ее личность. И все же – на губах у нее заиграла легкая улыбка – ей это понравилось. Мурад был прав, заявив, что ее никогда раньше никто не целовал. По сути, Теадора ничего не знала об отношениях между мужчиной и женщиной, ведь почти четыре года своей юной жизни она провела за стенами монастыря. Когда ее выдали замуж, она была еще ребенком, и Зоя благоразумно не стала обсуждать с ней подробности того, что происходит в супружеской постели, и в результате самая молодая жена султана оставалась совершенно невинной.

И вот теперь Теадора думала о красивом молодом человеке с сильными руками, благодаря которому избежала серьезной травмы. Он был высокий и загорелый, но Теадора знала, что у него такая же светлая кожа, как у нее, потому что под недавно подстриженными черными волосами кожа была совсем белой. Черные глаза смотрели на нее с такой теплотой и лаской, что в этом было нечто дерзкое. И его улыбка, обнажавшая ровные белые зубы, тоже была очень дерзкой.

Конечно, они больше не увидятся: это недопустимо, – и все же Теадора невольно спрашивала себя, придет ли он завтра. Неужели ему действительно хватит дерзости снова забраться по монастырской стене в сад?

Выяснить это можно было только одним способом – спрятаться в саду до того, как стемнеет, дожидаться и посмотреть. Когда он придет – если придет, – она, конечно, не выдаст своего присутствия: будет прятаться до тех пор, пока он не уйдет, и по крайней мере удовлетворит свое любопытство.

Теадора захихикала, представляя, как он будет раздосадован. Он явно считает себя неотразимым, раз ожидает, что приличная девушка тайком выскользнет из дома и придет на встречу с ним. Что ж, скоро он узнает, что это не так.

Глава 2

Встреча с этой девочкой, Теадорой, позабавила Мурада. Его, взрослого мужчину, искушенного в любовных делах, очаровала ее свежесть и естественная невинность. Официально

она третья жена его отца, но Мурад был почти уверен, что султан Орхан не заберет ее в свой дворец, не говоря уже о своей постели, – на это практически нет шансов. Теадора всего лишь пешка в политической игре. Мурада не мучили угрызения совести из-за того, что флиртовал с ней, – как честный человек соблазнять ее он не собирался.

Мурад-бек был самым младшим из троих сыновей султана. Его родного брата звали Сулейман, а единокровного – Ибрагим. Мать Ибрагима Анастасия происходила из благородной византийской семьи и была дальней родственницей Теадоры. К матери Мурада Нилуфер, дочери грузинского гетмана, она относилась с высокомерным пренебрежением. Однако именно мать Мурада была любимой женой султана и ее сыновей она любил больше всего. Ибрагим, единокровный брат Мурада, был старшим, но в детстве его уронили так, что он ударился головой, и с тех пор был не совсем нормальным. Он жил в собственном дворце, окруженный заботой рабов и специально подобранных бесплодных женщин. Периоды вменяемости чередовались у Ибрагима с периодами буйного помешательства, но его мать все же надеялась, что он унаследует трон отца, и втихомолку работала над достижением этой цели.

Принц Сулейман тоже жил в собственном дворце, но у него были дети: двое сыновей и несколько дочерей. У Мурада детей не было: он сам выбирал себе женщин, не способных к деторождению. Младший сын Орхана знал, что отец выбрал своим преемником Сулеймана. Мурад любил старшего брата, но тем не менее намеревался бороться с ним за трон после смерти их отца. В такой борьбе всегда есть шанс проиграть, а это означало бы смерть не только его самого, но и всей его семьи, поэтому Мурад решил не заводить детей до тех пор, пока не станет султаном. Только тогда его сыновья смогут появиться на свет в относительной безопасности.

В тот день Мурад оказался рядом с монастырем по чистой случайности: навещал одну очаровательную вдовушку, жившую по соседству, – и проходил мимо монастырской стены как раз в тот момент, когда Адора пыталась спуститься. Мурад усмехнулся. Вот озорница! Захотела персиков – и отправилась добывать. Вот жена кому-то достанется: прямо ураган. Он остановился, и его лицо осветила улыбка. По мусульманским законам мужчина может взять в жены любую из вдов своего умершего отца, если только при этом не произойдет кровосмешения. Сколько еще Орхан может прожить?

Девушка в безопасности, и очень маловероятно, что ее когда-нибудь вызовут к ее царственному господину. О Теадоре Кантакузин забыли. Оно и к лучшему, мрачно подумал Мурад, потому что до него доходили слухи об извращениях, к которым прибегал его отец, пытаясь сохранить мужскую силу.

Мурад не знал, придет ли Теадора ночью в сад. Когда он поцеловал ее в первый раз, девушка его отчитала, но второй поцелуй привел ее в смятение – Мурад успел это почувствовать до того, как она убежала.

На следующий день Теадоре казалось, что время тянется невероятно медленно. Поскольку было лето, школа при монастыре закрылась, и дочери богатых христиан из Бурсы уехали к своим семьям на побережье. Пригласить дочь императора провести каникулы вместе на чьей-то вилле никому и в голову не пришло. Те, кто ей сочувствовал, колебались из-за ее положения, а другие сторонились ее из-за брака, считая, что она выпала из своего класса, хотя ни за что не осмелились бы сказать об этом вслух. Таким образом, в силу обстоятельств Теадора осталась одна в тот самый период своей жизни, когда ей больше всего нужна была подруга.

Наделенная острым умом, она читала и изучала все, что могла, но все равно ее снедало беспокойство, какое-то смутное томление, которого она не понимала и не могла дать ему название. Не было никого, с кем она могла бы поговорить по душам, кому могла бы довериться: одна – как всегда. Одноклассницы держались с ней вежливо, но она никогда не проводила с ними достаточно времени, чтобы успела сформироваться настоящая дружба. Ее служанками

были рабыни из дворца, и менялись они три раза в год, поскольку услужение жене султана в монастыре считалось скучной обязанностью. Теадоре хотелось приключений.

Жаркий день подходил к концу. Теадора сходила в монастырскую церковь на вечерню, потом вернулась к себе, перекусила кусочком каплуна с салатом из свежего латука из монастырского огорода, доела оставшиеся персики, выпила изысканного кипрского вина, и рабыни помогли ей принять ванну. Теплая вода с легким ароматом принесла ей облегчение от жары. После того как расчесали волосы, ее одели в короткую рубашку из белого шелка и наконец-то оставили в покое.

Теадора ждала короткого промежутка между закатом и сумерками, когда можно будет никем не замеченной проскользнуть во фруктовый сад. Теперь у нее имелся ключ от калитки. Она набралась дерзости попросить его у настоятельницы и, к собственному удивлению и радости, получила.

– В жару я не нахожу себе места, – сказала Теадора монахине. – Если бы фруктовый сад был открыт, у меня было бы больше места для прогулок. А еще... можно мне срывать персики?

– Конечно, дитя мое! Все, что наше, принадлежит и вашему высочеству.

В монастыре все стихло. Из окрестных домов тоже не доносилось ни звука. Неподвижность фиолетовых сумерек нарушал только стрекот и щебет каких-то ночных существ. Теадора встала и набросила поверх ночной сорочки легкий темный плащ. Ее спальня находилась на первом этаже, и Теадора, выбравшись из комнаты через окно, быстро пошла по посыпанной гравием дорожке к фруктовому саду. В мягких домашних туфлях ее шаги были почти не слышны. Ключик от калитки она крепко сжимала во влажной ладони.

К облегчению Теадоры, калитка в сад открылась почти бесшумно. Осторожно закрыв ее за собой, девочка со вздохом облегчения прислонилась к ней спиной и зажмурилась. У нее получилось!

И вдруг тишину пререзал глубокий низкий голос:

– Ты пришла!

Глаза Теадоры мгновенно открылись, и, заикаясь от неожиданности и возмущения, она выдавила.

– Ч-что ты здесь делаешь?

– Как что? Разве мы не договорились встретиться здесь сегодня вечером? – удивился Мурад, едва сдерживая смех.

«Святая Феодосия! Должно быть, он принимает меня за последнюю распутницу!» – мелькнуло в голове у Теадоры. Она взяла себя в руки, хотя сердце колотилось как бешеное, и, стараясь держаться с достоинством, заявила:

– Я пришла только для того, чтобы сказать, что ты не должен вторгаться на территорию этого монастыря, частью которого является и фруктовый сад.

– Понятно, – ответил он с серьезным видом. – Я предположил, что ты можешь прийти пораньше и спрятаться, чтобы не оказаться в неловком положении.

Он немного помолчал, глядя на нее, а потом вдруг озорно добавил:

– Ой, ты покраснела! Значит, я прав?

– Как ты можешь об этом судить? Здесь темно.

Он легонько коснулся пальцем ее щеки, но Теадора отскочила от него как ошпаренная.

– И опять я прав: щека горячая.

– Это потому что сегодня жаркая ночь, – быстро произнесла Теадора.

Мурад тихо рассмеялся, потом взял ее за руку и совершенно серьезно сказал:

– Пойдем! Я нашел идеальное местечко: под деревьями в центре фруктового сада, – где нас никто не увидит.

И он повлек Теадору в глубину сада, а дойдя до большого раскидистого дерева, нырнул вместе с ней в густую тень под нижними ветвями.

– Ну вот мы и в безопасности... и совсем одни.

К его удивлению, девушка вдруг расплакалась.

– Адора, милая, в чем дело?

– Я б-б-боюсь, – пробормотала, всхлипывая, Теадора.

– Чего, голубка моя?

– Тебя! – вдруг выпалила она сквозь слезы.

Только тогда юноша понял, что она в действительности по-детски невинна. Расстелив на траве свой плащ и мягко усадив на него девушку, он нежно обнял ее и привлек к груди.

– Адора, не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого.

Перед его рубашки тут же намок от ее слез, но постепенно рыдания стали стихать.

– Я н-никогда р-раньше н-не была с м-мужчиной наедине, – пробормотала наконец Теадора, – и не знаю, что полагается делать. Но ты не думай, что я дурочка.

Мурад сдержал смех и сказал как можно серьезнее:

– Адора, я думаю, будет лучше тебе узнать, кто я, поскольку мне известно, кто ты... ваше высочество.

Она тихо ахнула, и он добавил:

– Я принц Мурад, третий сын султана Орхана, и, если верить сплетням, повеса и распутник. Но я чту Коран и жену собственного отца, какой бы обольстительной она ни была, соблазнять ни за что бы не стал. Даже если она лишь пешка в политической игре.

Несколько мгновений оба молчали, потом Теадора спросила:

– Ты с самого начала знал, кто я?

– Почти. Когда мы впервые встретились, я возвращался от друга, который живет неподалеку отсюда, и мог пройти только этим путем, мимо монастыря Святой Екатерины. Когда ты назвала свое имя, меня вдруг осенило: ты та самая Теадора.

– И даже зная, кто я, все равно меня поцеловал? И назначил мне свидание! Принц Мурад, вы отвратительны!

– Адора, но ведь ты пришла, – тихо напомнил он.

– Только затем, чтобы сказать: это не должно повториться.

– Нет, голубка, ты пришла вовсе не поэтому. Признайся, хотя бы себе.

– Мне не в чем признаваться.

Он заговорил мягче.

– Милая моя, любопытство вовсе не преступление, – мягко произнес Мурад. – Для юной девушки такой интерес вполне естествен, особенно если она ведет замкнутый образ жизни. Скажи, когда ты в последний раз вообще видела мужчину?

– Я каждую неделю исповедуюсь отцу Виссариону, – чопорно ответила Теадора.

Мурад негромко рассмеялся.

– Я не имел в виду высохшего от старости священника.

– С тех пор как поселилась здесь, в монастыре, не видела больше никого. Другие ученицы здесь не живут, а меня никто не навещает.

Это было сказано просто и буднично, без эмоций.

Мурад накрыл ее маленькую тонкую руку своей ладонью – большой, загорелой и теплой.

– Адора, тебе здесь очень одиноко?

– Я не думаю об этом: у меня есть занятие – учеба, – спокойно ответила Теадора.

– И нет друзей? Бедная маленькая принцесса.

Теадора резко отдернула руку.

– Я не нуждаюсь ни в чьей жалости, а уж в твоей тем более!

Взошла полная луна, окрасив серебром крупные золотые персики, свисавшие с тяжелых ветвей идеально ровными шарами. В лунном свете на белом лице Теадоры Кантакузин Мурад увидел гордые аметистовые глаза, в которых бриллиантами блестели едва сдерживаемые слезы.

– Голубка, это вовсе не жалость, а сожаление и досада, что тебя, полную жизни, созданную для страстных ласк молодого мужчины, выдали замуж за старика и заточили в монастырь.

– Я принцесса Византии, – холодно возразила Теадора. – И носить этот титул мне было суждено еще до того, как мой отец стал императором. Вступить в самый выгодный для ее семьи брак – долг каждой принцессы. Мой отец, император, пожелал, чтобы я стала женой султана, и, как благочестивая христианка и послушная дочь, я не могу противиться его воле.

– Адора, твоя дочерняя преданность, конечно, весьма похвальна, но ты рассуждаешь как ребенок... хотя, в сущности, ты и есть ребенок. Если бы ты познала любовь, то не была бы так категорична.

– Любовь? Я знаю, что такое любовь: меня любит мама, отец... – воскликнула Теадора.

– Вот как? Отец отдал тебя в жены человеку, который по возрасту годится тебе в дедушки, только потому, что ему понадобилась поддержка армий султана, чтобы не потерять занятый обманом престол. Он просто променял тебя на услугу, – жестко заметил Мурад. – Твою сестру он, напротив, отдал в жены императору-мальчишке, своему сопернику, но тот хотя бы годится ей по возрасту. И если молодой Иоанн в конце концов победит старого, жизни твоего отца все равно ничто не угрожает, потому что его дочь будет императрицей. Но как насчет тебя? Ты знаешь, что твоя сестра Елена недавно родила первенца, мальчика? Она проповедует священную войну против «неверных». Да, сразу видно, что Елена тебя о-очень любит. И ей вторит твоя единокровная сестра София, чья набожность уступает только ее распущенности, печально знаменитой на весь Константинополь. Когда одна или другая в последний раз с тобой общалась? А как насчет брата Матфея, который стал монахом? Он писал тебе? Это и есть люди, которые тебя любят?

– Мой отец решил, что так будет лучше для империи, – буркнула Теадора. – Правитель – он! Что касается моих сестер, то София была уже взрослой женщиной, когда я родилась, и я ее почти не знаю, а с Еленой мы всегда были соперницами. Может, она и рассуждает о священных войнах, – с презрением в голосе добавила девушка, – но этого никогда не будет. Империя и себя-то защитить едва может, что говорить о войне против султана.

Мурада поразило, что в этом вопросе девушка так точно ухватила суть, а Теадора продолжала:

– Мама держит меня в курсе новостей. Хоть мы с ней и не виделись после моего отъезда из Константинополя, каждую неделю специальный посыльный, которого господин Орхан держит только для меня, доставляет мне письма прямо с берега и относит мои ответы. Через несколько месяцев после того, как я сюда приехала, мой единокровный брат Иоанн был убит в бою, и мама сразу же сообщила об этом, так что я могла молиться о его душе. Родители не могут меня навестить: ты, конечно, знаешь, как сейчас опасно путешествовать, а уж жена императора Византии была бы для пиратов и грабителей желанной добычей, – но они меня очень любят, принц Мурад! Любят!

– Ты не знаешь о любви ровным счетом ничего! – яростно воскликнул Мурад и, быстро притянув ее ближе, усадил к себе на колени. – У тебя осталось только смутное воспоминание о нормальной привязанности ребенка к своей семье. Никто никогда не прикасался к тебе по-настоящему, не тревожил твою гордость, не пытался разбудить твое холодное сердечко. Но я это сделаю: обещаю пробудить тебя к жизни, к любви... открыть себе самой!

– Ты не имеешь права так говорить! – сердито выпалила Теадора и попыталась высвободиться из его объятий. – Я жена твоего отца! Это так ты считаешь Коран? Как же твое обещание не соблазнять меня?

Мурад мрачно усмехнулся.

– А я и не собираюсь. Мне известны десятки способов доставить удовольствие, не лишая тебя девственности. И мы начнем прямо сейчас!

Он наклонился к ней, но она уперлась ладонями в его грудь, не давая приблизиться.

– Твой отец...

– Адора, мой отец, – не дал ей договорить Мурад, ослабляя узел на завязках ее плаща, – никогда не призовет тебя к себе. После его смерти султаном стану я и, кто бы на тот момент ни был императором Византии, устрою так, чтобы ты стала моей женой. А до того времени я буду учить тебя искусству любви.

Теадора ничего больше не успела возразить – его губы не позволили, – и бороться с ним тоже не могла: в его крепких объятиях она едва могла дышать. Ее сердце гулко колотилось в неистовом ритме, и она чувствовала своими ладонями, распластанными по его груди, бие-ние, такое же частое и сильное, его сердца. Она попыталась было отвернуться, но он погрузил пальцы в ее шелковистые волосы и крепко удерживал голову. Его губы, теплые и твердые, оказались на удивление нежными, а поцелуй – настолько восхитительным, что она испугалась реакции собственного тела. Теадора снова почувствовала, как тает ее сопротивление, и стоило ей расслабиться, его поцелуй стал глубже. Но что это с ней? Дрожь охватила все тело, груди странно отяжелели, соски заныли.

Словно почувствовав ее состояние, Мурад ослабил объятия и выпустил из сладкого плена ее рот. Теадора лежала поперек его бедер, не в состоянии произнести ни слова. С улыбкой глядя на нее, он нежно провел пальцем по ее щеке, и у нее вмиг пересохло во рту, пульс еще больше участился, голова закружилась, но она каким-то образом сумела выдать:

– П-почему т-ты это делаешь?

– Потому что я тебя хочу, – сказал он тихо.

Его голос звучал так напряженно, что ее тело покрылось мурашками. Он снова взял в плен ее губы, потом стал целовать глаза, нос, щеки, лоб, подбородок. От каждого мимолетного поцелуя она трепетала, ее бросало то в жар, то в холод, и в конце концов она просто закрыла глаза и отдалась неизведанным ранее ощущениям.

Черные глаза озорно блеснули, и Мурад рассмеялся.

– А ведь тебе нравится! Ты прямо таешь, когда тебя целуют!

– Нет!

Теадора мысленно ужаснулась. О господи! Как же она могла! О чем только думала! Она опять попыталась вырваться из его объятий, но он припал к ее рту и на сей раз требовательно провел языком по плотно сжатым губам, настойчиво пытаясь проникнуть внутрь, разжать ей зубы.

– Адора, откройся мне, – услышала она его лихорадочный шепот. – Голубка, не отказывай в удовольствии нам обоим.

Ее губы сами собой приоткрылись, и его язык, ворвавшись внутрь, принялся гладить и ласкать, пока она не почувствовала, что вот-вот лишится чувств.

Оторвавшись от ее рта, Мурад нежно сжал ее в объятиях и окинул взглядом из-под полуприкрытых век. Грудь девушки быстро вздымалась и опадала, сквозь тонкий шелк сорочки явственно, словно маленькие бутоны, проступали соски. Юношу охватил такой восторг, какого он никогда прежде не испытывал, сердце забило еще яростнее. Ему до боли хотелось прикоснуться к этим маленьким соблазнительным пикам, но он удержался. Если подтолкнуть ее по пути открытия собственной чувственной натуры еще дальше, то этого будет слишком много для первого раза. Мураду и в голову не приходило, что такая невинность может существовать в природе. В его мире женщина попадала к мужчине обученной премудростям любви и знала, как ублажить господина. Она могла оставаться девственницей, но ее тщательно готовили: учили, как доставлять наслаждение и как получать его самой. Это же прекрасное создание оставалось не тронутым ни мужчиной, ни женщиной. Она будет принадлежать только ему! Он никому не позволит ею обладать, вылепит из нее, как из глины, идеальную любовницу, научит доставлять ему наслаждение. И никто, кроме него, никогда не познает ее сладость.

Теадора открыла глаза, и Мурад подумал, что на фоне бледного лица они как фиалки на снегу.

– Все в порядке, сладкая моя, – мягко произнес он. – На сегодня мы урок закончили, и я очень доволен результатом: тебе понравились поцелуи.

– Ничего подобного! – прошипела Теадора. – Я тебя ненавижу! Ты не имеешь права так обращаться со мной!

Он же, словно не слышал, продолжил:

– Завтра вечером – второй урок. Твое образование как женщины только начинается.

Теадора села.

– Завтра вечером? Ты с ума сошел? Никакого завтрашнего вечера не будет! Ты меня больше не увидишь! Никогда!

– Адора, ты будешь приходить сюда столько, сколько я захочу. Ну а если не придешь, то явлюсь прямо к воротам монастыря я и потребую встречи с тобой.

– Ты не посмеешь! – заявила Теадора, но взгляд ее не выражал особой уверенности.

Мурад встал и потянул ее за собой.

– Голубка моя, посмею, да еще как, ради того, чтобы снова тебя увидеть.

Бережно запахнув на ней плащ, он молча повел ее к калитке сада.

– До завтра, Адора. Спокойной ночи и приятных снов.

С этими словами юноша подпрыгнул, ухватился за край стены, перемахнул через нее и скрылся в ночи. Теадора дрожащими пальцами открыла калитку, прошла, потом заперла ее за собой и бесшумно пересекла двор, торопясь в свои апартаменты.

Немного успокоившись, когда оказалась в относительной безопасности своей спальни, в памяти Теадоры всплыла недавняя сцена в саду, и она с благодарностью осознала, что Мурад, кроме поцелуев, не позволил себе никаких вольностей. А тем временем собственное тело вело себя предательски: ныло и болело от какого-то непонятного ей томления, груди налились, соски горели, живот был напряжен, а в тайном женском местечке между ног все пульсировало. Если это и означало «быть женщиной», то Теадора не могла бы сказать, что ей это нравится.

Потом она осознала, что у нее появилась проблема и посерьезнее: принц Мурад пригрозил явиться к воротам монастыря, если не увидит ее в саду, и никто не посмеет его остановить. Да и с какой стати монахиням отказывать сыну султана в просьбе навестить мачеху? Они, пожалуй, поверят, что его прислал сам султан, но когда правда выйдет наружу, этому маленькому, ни в чем не повинному религиозному сообществу может грозить позор и наказание.

Если она откажется встретиться с принцем и пожалуется матери Марии Джозефе, то Мурада могут наказать, а может, даже убить за дерзость. Сможет ли она жить, если на ее совети будет смерть юного принца? Теадора ощутила себя в западне: видно, все-таки придется встретиться с ним завтра ночью.

Позже, лежа в своей целомудренной постели, она вспомнила слова Мурада: «Мой отец никогда не призовет тебя к себе. После его смерти султаном стану я и устрою так, чтобы ты стала моей женой» – и затрепетала. Интересно, все мужчины такие настойчивые?

Может ли так случиться, что однажды он станет ее господином? Эта мысль будоражила Теадору. Он так красив: угольно-черные глаза, волнистые темные волосы, загорелое лицо и белые зубы, сверкающие в дерзкой улыбке. Она снова поежилась. При воспоминании о его поцелуях у нее начинала кружиться голова, но это ведь неправильно! Так не должно быть! Даже если султан Орхан никогда не вызовет ее к себе, она все равно его жена.

Той ночью Теадора не могла заснуть, и утром ее все раздражало. Она пыталась читать, но не могла сосредоточиться на книге и села вышивать. Нитки то и дело путались, и она в сердцах швырнула вышивание на пол. Ее рабыни были поражены, но когда Айрис, самая пожилая из них, спросила, не заболела ли госпожа, Теадора ударила ее по лицу, а потом расплакалась. Будучи мудрой женщиной, Айрис не обиделась и не успокоилась, и в конце концов Теадора,

рыдая, призналась, что плохо спала. Айрис, с облегчением вздохнув, тут же приготовила своей юной подопечной теплую ванну. Принцессу искупали, сделали ей массаж, потом уложили в постель. Рабыня дала ей выпить чашку теплого вина со специями, в которое было добавлено несколько капель слабого снотворного зелья.

Когда Теадора проснулась, на западе догорали последние лучи солнца, а над лиловыми силуэтами гор за городом уже появились первые, пока еще тусклые, звезды. Айрис принесла принцессе поднос с ужином: зажаренного на вертеле голубя с хрустящей золотистой корочкой, молодой латук, мед и графин белого вина. Пока Теадора ела, ее мысли постепенно приходили в порядок.

Принц дал слово, что не будет покушаться на ее девственность, и султана, если он говорил правду, она никогда не увидит, так что, вполне возможно, ее настоящим мужем в один прекрасный день станет не кто иной, как он сам.

За окном совсем стемнело. Покончив с ужином, Теадора вымыла руки в серебряном тазу с розовой водой. Сон вернул ей хорошее расположение духа, и она отпустила рабыню на ночь. В отличие от большинства женщин ее сословия Теадора умела одеваться и раздеваться сама. Невежество и праздность, присущие многим женщинам благородного происхождения, вызывали у нее презрение. Она надела свободное шелковое платье из легкой фиолетовой органзы, застегивающееся спереди на длинный ряд крошечных перламутровых пуговиц. Она выбрала это платье, потому что его цвет выгодно подчеркивал ее аметистовые глаза и в то же время был достаточно темным, чтобы позволить обойтись без накидки. На ноги она надела подходящие по цвету туфельки. Ее темные волосы свободно ниспадали на плечи, собранные сзади лишь шелковой лентой.

Теадора бесшумно миновала калитку во фруктовый сад, нашла дерево, под которым они укрылись прошлой ночью, но Мурада там не было. Немного растерявшись, она не знала, как поступить: то ли вернуться в дом, то ли подождать, – но прежде, чем она успела принять решение, тяжелые ветки с шелестом раздвинулись и появился Мурад.

– Адора!

Он обнял ее за тонкую талию, поцеловал, и она впервые ответила на поцелуй, чуть-чуть приоткрыв губы, впустив его язык к себе в рот. К ее восторгу и изумлению, Мурад содрогнулся, и Теадора испытала мгновенный триумф. Она, неопытная девственница, смогла возбудить этого чувственного, много повидавшего мужчину! На мгновение, пусть короткое, верх взяла она, но потом Мурад, одной рукой обнимая ее, другой быстро расстегнул несколько верхних пуговиц ее платья. Его теплая рука скользнула под невесомую ткань и стала ласкать грудь. Теадора ахнула и попыталась оттолкнуть его, но он тихо рассмеялся:

– Голубка моя, это урок номер два.

Он мягко отвел ее руку. Теадора затрепетала, ее переполняли смешанные чувства: наполовину испуг, наполовину удовольствие, – хотя дать определение второму она смогла не сразу. Рука Мурада ласкала ее плоть бережно, нежно.

– Пожалуйста, о, пожалуйста! – взмолилась она, едва дыша. – Перестань, пожалуйста!

Вместо ответа он потер подушечкой большого пальца ее чувствительный сосок. Это оказалось так приятно, что Адора чуть не упала в обморок от наслаждения, а когда его губы опять завладели ее губами, подумала: все, теперь-то она уж точно умрет. Мурад опустил на нее взгляд, и его черные глаза смотрели с невыразимой нежностью.

– Моя маленькая девственница, всегда помни, что главный здесь я.

– Почему? – кое-как сумела выговорить Теадора, хотя голос плохо ее слушался. – Ведь это женщине Бог дал привилегию вынашивать новую жизнь. Почему тогда мы должны занимать подчиненное положение перед мужчинами?

Мурад опешил. Значит, она не мягкая и покорная, как он думал о ней до сих пор, а редчайшее и самое интригующее из всех живых существ – женщина с умом. Он не был уверен,

что ему это нравится, но, с другой стороны, с ней не будет скучно. А уж каких сыновей она может ему родить!

– Разве Аллах не сотворил женщину после мужчины, причем из его ребра? – проговорил он быстро. – Сначала был создан мужчина. Значит, ему предназначено быть главным, хозяином, иначе он создал бы женщину первой.

Но Теадору его аргументы не впечатлили и она возразила.

– Это вовсе не обязательно.

– Адора, так, может, ты хочешь быть главной и отдавать мне распоряжения? – рассмеялся Мурад.

Девушка возмутилась:

– Не смей надо мной смеяться!

– Голубка моя, я не смеюсь над тобой, и у меня нет желания оспаривать логичность превосходства мужчин над женщинами. Я хочу заняться с тобой любовью.

Мурад принялся ласкать ее нежные груди, а почувствовав, как она опять затрепетала, расстегнул оставшиеся пуговицы ее платья. Его рука спустилась по обнаженному телу ниже и легла на живот. Нежная кожа Теадоры была гладкой и прохладной, как тончайший бурский шелк, но под его умелыми пальцами мышцы напряглись. Это очередное подтверждение ее невинности польстило тщеславию Мурада, и он передвинул руку еще ниже. Его длинный тонкий палец замер, готовый к более интимной ласке, но тут их взгляды встретились и он прочел в ее глазах неприкрытый ужас, поэтому остановился и нежно коснулся рукой ее щеки.

– Не бойся меня.

– Мне нравится, когда ты ко мне прикасаешься, хотя это и неправильно, – проговорила она дрожащим голосом. – И все-таки почему-то боюсь.

– Поделись, что тебя пугает, – попросил он мягко.

– Я чувствую, что теряю контроль над собой, но не хочу, чтобы ты останавливался. – Она с трудом сглотнула. – Мне хочется узнать, что значит быть женщиной, до конца, но я замужем и ты не мой муж, а значит, то, что мы делаем, неправильно!

– Нет! Мы не делаем ничего неправильного! – горячо, даже яростно возразил Мурад. – Ты никогда не будешь с моим отцом! Этот брак для него – политическая необходимость, и ничего больше.

– Но ведь я могу и тебе не достаться, когда овдовею. Если я кому-то и принадлежу, то это Византийской империи. После того как твой отец умрет, мой следующий брак организуют без моего участия, точно так же, как этот.

– Ты принадлежишь мне, – возразил он хрипло. – И сейчас, и всегда будешь.

Теадора поняла, что проиграла, что бы ни случилось, потому что полюбила его, и прошептала, удивляясь сама себе:

– Да, да, Мурад, я принадлежу тебе!

Он припал к ее губам в страстном, яростном поцелуе, и Теадора почувствовала, как ее наполняет неистовый восторг. Она больше не боялась. Его руки ласкали ее, и ее юное тело с готовностью отзывалось на эти прикосновения, нетерпеливо стремилось им навстречу. Только раз она вскрикнула: когда его пальцы добрались до ее сладкой сердцевины, – но он проглотил ее протесты губами. Мурад чувствовал, как неистово бьется ее сердце и пульсирует жилка на шее.

– Нет, голубка, – прошептал он с жаром, – позволь моим пальцам ласкать тебя. Будет приятно, обещаю, очень приятно.

Он почувствовал, как она постепенно расслабляется в его объятиях, – улыбнулся и принялся дразнить ее чувствительную плоть. Теадора стонала и извивалась под его ласками, глаза ее закрылись, темные ресницы веером легли на нежную кожу. Наконец Мурад решил, что она готова, и, удовлетворенный, осторожно ввел в нее палец.

Теадора ахнула, но возразить не успела – ее захлестнула и поглотила волна сладкого восторга. Чувствуя себя невесомой, она выгнулась навстречу его руке. Внутри у нее нарастало напряжение, и вдруг оно взорвалось, рассыпалось радугой разноцветных сверкающих огней.

Наконец вернувшись с небес на землю, открыв свои аметистовые глаза, Теадора удивленно проговорила:

– Мурад, как такая сладость может быть на свете?

Он посмотрел на нее сверху вниз и улыбнулся.

– Голубка моя, ты только попробовала вкус наслаждения, получила первое представление о том, что будет дальше.

Глава 3

Император Иоанн Кантакузин был мрачен, как темная константинопольская ночь. Его любимая жена Зоя умерла в родах, тщетно пытаясь подарить ему еще одного сына. По страшной иронии судьбы она испустила последний вздох, тужась, чтобы вытолкнуть из своего изможденного и ослабевшего тела мальчиков-близнецов, которые оказались деформированной пародией на человеческие существа, потому что срослись грудными клетками и, по словам лекаря, имели одно сердце на двоих. Слава богу, эти чудовищные младенцы родились мертвыми, но, к несчастью, их мать последовала за ними.

Но и это еще не все. Вдобавок к этой трагедии старшая дочь Елена, жена соправителя Византии Иоанна Палеолога, вместе с мужем собрала заговор, чтобы свергнуть с престола отца и получить полную власть над империей. Императрицей считалась, пока была жива, Зоя, жена Иоанна Кантакузина. Елена же была теперь всего лишь женой молодого Палеолога, а пожелала, чтобы императрицей признали ее.

– А если я еще раз женюсь? – поинтересовался Иоанн.

– С какой это стати? – возмутилась дочь.

– Чтобы дать империи наследника.

– У нас он уже есть – мой сын Андроник, а следующим будет ребенок, которого я ношу сейчас.

– Дочь моя, на этот счет указа нет.

– Право же, отец!..

Елена с каждым днем все больше походила на свою свекровь – Анну Савойскую, будь она неладна.

– Мой муж, – продолжала Елена, – по праву император Византии, а это значит, что наш сын – законный наследник. Ты уже должен был это понять. Господь Бог выразил свое мнение вполне ясно. Твой старший сын погиб, мой брат Матфей предпочел избрать жизнь монаха. Мать за последние шесть лет была шесть раз беременна мальчиками, но ни одного не выносила. А теперь вот Бог забрал и ее, что можно считать явным доказательством его неодобрения. Что тебе еще нужно? Чтобы воля Бога была написана огненными облаками в небе над городом? Только тогда ты это поймешь?

– Белазариус, ясновидящий, предсказал, что новая процветающая империя со столицей в Константинополе возникнет от моего семени. Как это может быть, если у меня нет сыновей, которые продолжили бы мой род?

– Возможно, через меня, отец, – самодовольно заметила Елена.

– Или через твою сестру Теадору, – парировал Иоанн.

Елена злобно сверкнула глазами и молча вышла из комнаты.

Иоанн Кантакузин возбужденно мерил шагами комнату. У него еще могли бы быть сыновья, но прежде чем жениться еще раз, нужно упрочить свое положение и в первую очередь избавиться от Иоанна Палеолога и его сопливого отпрыска, а потом выдать Елену замуж в

каком-то другом месте, и она забудет свои притязания. Возможно, имеет смысл предложить белокурую красавицу принцу Сулейману, наследнику султана Орхана.

Эта мысль напомнила Иоанну о младшей дочери, Теа. Сколько ей сейчас? Тринадцать? Кажется, так. Во всяком случае, она достаточно взрослая, чтобы делить постель с мужчиной и носить ребенка. Ему потребуется новая военная помощь от султана, и он получит ее с большей вероятностью, если Орхан будет очарован своей молодой женой, и особенно такой, которая подтвердит мужественность престарелого мужа тем, что понесет от него. Девочка все еще живет в монастыре. Судя по последней написанной с нее миниатюре, которую Иоанн видел, она такая красавица, что возбудит даже каменную статую. Ее единственный недостаток – наличие мозгов. Мать Мария Джозефа много писала ему об успехах девочки в учебе и о том, какая она умная. Жаль, что она не родилась мальчиком. Что ж, подумал Иоанн, он напишет ей письмо, в котором потребует, чтобы была с мужем тихой, скромной и робкой. Кроме того, сегодня же вечером надо написать Орхану и напомнить, что в соответствии с договором брак должен быть осуществлен, когда девочка повзрослеет. Сейчас она определенно взрослая. Конечно, это означает, что придется выдать султану последнюю треть приданого Теадоры и предоставить крепость Цимпу, но это не важно.

Иоанн открыл дверь в свои личные покои и вызвал монаха, служившего у него секретарем.

Несколько недель спустя, в Бурсе, султан Орхан прочитал недавно полученное письмо от правителя соседнего государства и своего тестя. Орхан прекрасно понимал, что стоит за настойчивым желанием византийца, чтобы был осуществлен брак с его дочерью, Теадорой Кантакузин. Иоанна Кантакузина ожидает очередная схватка за пошатнувшийся трон, и ему нужна поддержка Оттоманской империи. Кантакузин предложил девственность своей дочери плюс к этому золото в качестве приданого, но самое главное – это, конечно, Цимпа.

Орхан к старости стал совершенно ненасытным в утехах. Каждую ночь к нему приводили новую хорошо обученную девственницу. Его вкусы менялись, и ходили слухи, что иногда он даже развлекался с мальчиками. Его молодая жена Теадора была совершенно невинной девочкой, и на то, чтобы ее подготовить, научить доставлять удовольствие своему господину, потребовались бы месяцы, но времени не было. Ее отец жаждал этой беременности как подтверждения, что брак стал настоящим, а Орхан хотел получить Цимпу и оставшуюся часть приданого золотом. Ну а если великие правители что-то вместе задумают, все непременно сбудется.

После того как определится лунный цикл Теадоры, он спарится с ней в четыре самых плодovitых дня. Орхан надеялся, что после этого ее цикл прекратится, ну а если нет, то процесс придется повторять снова и снова – до тех пор пока жена не понесет. Сама Теадора его нисколько не интересовала. Пешка в политической игре, она была забыта, и вот теперь, к его досаде, ее пришлось выдвинуть вперед. Эмоцию, называемую любовью, Орхан испытал в юности с Нилуфер, своей второй женой и матерью двоих любимых сыновей. Теперь все это осталось в прошлом, а в настоящем были плотские удовольствия, которые ему доставляли умелые молодые рабыни и мальчики из гарема.

Орхану претила сама мысль оплодотворять девицу, как бык корову, да и Теадора, вероятно, почувствует его недовольство. Возможно, девчонка и подтолкнула отца сделать это предложение, потому что хотела улучшить свое положение. Что ж, он проследит, чтобы с ней обращались с уважением, подобающим ее рангу. Он как можно быстрее сделает так, чтобы она забеременела, и после этого можно больше о ней и не вспоминать.

А тем временем, в эту самую минуту, Теадора Кантакузин лежала в сильных объятиях принца Мурада и с обожанием смотрела на него.

– Я тебя люблю, – проговорила Теадора дрожащим голосом. – Как же я тебя люблю!

– И я тебя люблю, моя голубка! Аллах свидетель: я очень тебя люблю!

– Ах, Мурад, сколько нам еще ждать? Мне так хочется всегда быть с тобой, гулять под оливами белым днем и не бояться, что кто-то что-то узнает.

– Я люблю отца, – медленно проговорил Мурад, – и не желаю ни на день сократить путь, который ему отмерен судьбой. В своем пожилом возрасте он вполне доволен своей жизнью, и все, чего хочет, это еще больше богатств и чувственных удовольствий. Он больше не поведет наше войско в бой.

– А ты не думал о том, чтобы расширить свое королевство? – спросила Теадора.

– Конечно, думал! Я бы перешел Босфор и правил страной из самого Константинополя. Голубка моя, а ты хотела бы вернуться в родной город королевы?

– Да!

Теадора сказала это с таким жаром, что Мурад засмеялся.

– И ты не против, чтобы я сместил с престола твою сестру и ее мужа? Ах, Теадора Кантакузин, какая же ты кровожадная!

– До того как меня выдали замуж, моя сестра обожала надо мной издеваться, заявляя, что в один прекрасный день станет править Константинополем, тогда как моя судьба – гарем султана. Разумеется, я хотела бы вернуться в город женой его завоевателя!

– Даже если этот завоеватель мусульманин?

– Да, даже в этом случае. Все мы поклоняемся одному Богу, просто для каждого он свой, разве не так? Мурад, я хоть и женщина, но вовсе не дурочка. В пределах этого королевства любой путешественник может безопасно двигаться в любое время дня и ночи. Немусульмане свободны в выборе веры. Любой человек независимо от своего статуса может обратиться к кади, и его вопрос будет решен справедливо, по закону. К сожалению, я не могу сказать того же о Византийской империи и ее правителях, поэтому мне предпочтительнее, как и многим немусульманам, жить под управлением турок.

– Ты удивительное создание! – восхищенно воскликнул Мурад. – Твоя логика безупречна, хотя для меня непривычно так откровенно разговаривать с женщиной.

– Я дочь своего отца, – с гордостью сказала Теадора, – а он очень умный и образованный. Он всегда говорил, что мне надо было родиться мальчиком.

– А вот в этом, голубка моя, он ошибается. В целом свете нет другой такой красивой и утонченной, как ты. – Принц улыбнулся, привлек ее в объятия и с глубоким вздохом зарылся лицом в прохладную массу волос с легким ароматом роз. – Ах, голубка, как же я тебя люблю!

В небе над ними звезды медленно совершали свой путь по направлению к утру. Уже почти рассвело, когда Теадора вернулась домой и легла спать, но только уснула, как ее разбудила Айрис.

– Ваше высочество, прошу прощения, но приехал главный белый евнух из дворца и желает вас видеть.

С тех пор как Теадору привезли в Бурсу и поселили в этом доме, ее ни разу не навестил ни один мало-мальски важный человек из дворца.

– Айрис, скажи ему, что я сейчас выйду.

Рабыня поклонилась и ушла, а после того как передала главному евнуху слова принцессы и уже собралась вернуться, ее остановил его голос:

– Женщина, как твое имя?

Рабыня склонила голову.

– Айрис, господин.

– Ты хорошо ладишь со своей госпожой?

– Да, господин.

– Она тебе открывается?

Айрис притворилась непонимающей:

– Что значит «открывается»?

– Ну, доверяет ли тебе свои маленькие секреты? Может, делится какими-то мечтами, надеждами...

Айрис подняла голову и, в упор посмотрев на евнуха, тихо сказала:

– Господин, моя хозяйка живет в монастыре с самого детства, и единственный мужчина, которого она видит, это пожилой священник, ее духовный наставник. Она очень редко выходит за пределы монастыря. Какие у нее могут быть секреты? Она никому не открывается, потому что у нее никого нет. Рабыни, которых присылают из дворца в услужение принцессе, меняются каждые три месяца. Вряд ли это достаточный срок, чтобы она могла с ними подружиться. Большинство из них прислуживали ей всего один срок, и только меня несколько раз просили вернуться.

– Почему?

Евнух наблюдал за ней из-под полуопущенных век.

– Потому что сумела завоевать себе авторитет – я ведь не всегда была рабыней.

– Я назначу тебя главной служанкой принцессы Теадоры, а ты за это будешь рассказывать мне все о ее жизни. Она скоро отправится к султану. Скажи-ка мне, когда у нее последний раз были крови.

Айрис ненадолго задумалась, потом сказала:

– Почти две недели назад, господин.

– Сколько дней после первого появления?

– Двенадцать, господин.

Евнух нахмурился, потом медленно проговорил, так, словно думал вслух:

– Значит, мы должны ехать прямо сегодня, иначе придется ждать еще месяц. С собой брать ничего не надо – она всем будет обеспечена.

– Господин, она любит читать и наверняка захочет взять с собой книги. Она не бездельница, как другие.

Евнух удивился, но возражать не стал.

– Хорошо, Айрис, я прослежу, чтобы книги принцессы были доставлены во дворец, но не сегодня. У нас едва хватает времени сделать самое необходимое.

Евнух сунул руку в складки своих широких одежд, достал два пакетика, и вручая их Айрис, сказал:

– Перед отъездом дай своей госпоже порошок из голубого пакетика, а второй нужно будет принять на закате.

– Господин, а что это такое? – осмелилась спросить Айрис. – Я не стану причинять вред принцессе.

– В этих пакетиках снадобье, которое поможет ей расслабиться и подготовит ее девственное тело к приходу мужа этой ночью. Однако ты дерзкая! Впредь не задавай мне такие вопросы, а не то я передумаю насчет твоего назначения.

Дверь гостиной открылась, и вошла Теадора. Евнух быстро окинул ее опытным взглядом и остался доволен. Осанка у нее поистине королевская, хотя она более худая, чем нравится его господину, но это с лихвой компенсировала высокая полная грудь. Кожа у нее чистая, светлая, а глаза аметистовые... или все же фиалковые? Блестящие темные волосы доходят до бедер, зубы ровные и белые. По всем признакам здоровье у нее отменное – как физическое, так и психическое.

Евнух вежливо поклонился.

– Ваше королевское высочество, меня зовут Али Яхия. Вы счастливейшая из женщин, потому что ваш господин и супруг, султан Орхан, сын султана Газиза Гази, сын Гази, соблаговолил решить, что эта ночь будет вашей главной ночью. Сегодня наконец брак, заключенный еще в пору вашего детства, будет осуществлен. Да благословит вас Аллах и понесете вы плод от семени моего господина.

Теадора посмотрела на него безо всякого выражения, застыв на несколько мгновений, а потом смертельно побледнела и рухнула на пол. Евнух посмотрел на ее неподвижное тело. Она хороша, очень хороша. Султан будет доволен.

Айрис опустила на колени рядом с Теадорой и принялась похлопывать ее по запястьям, а евнух заявил:

– Страхи девственницы. Через час будьте готовы, я пришло за вами паланкин.

Очнувшись, Теадора обнаружила, что Айрис сильной рукой поддерживает ее за плечи. Служанка поднесла к ее губам чашу с вином.

– Выпейте, принцесса, и ничего не бойтесь. Али Яхия назначил меня вашей главной служанкой, и я вас не оставлю. И что бы ни думал этот толстый слизняк, я буду преданна только вам. Пейте, дитя мое, вам станет лучше.

Теадора залпом выпила вино, пытаясь привести в порядок лихорадочно метавшиеся мысли. С чего она вдруг понадобилась султану, что на него нашло? Может, он узнал про принца Мурада? Нет, это невозможно! Тогда в чем дело?

– Когда мы отправляемся во дворец?

– Паланкин будет здесь меньше чем через час.

Господи Иисусе! У нее нет времени послать за Мурадом, а когда она окажется во дворце, то не посмеет с ним разговаривать. О боже! Так вот каково ее наказание! Хоть она и не совершила супружескую измену, но в своем сердце уже давно неверна мужу, и вот теперь Господь ее наказывает. Быть женой старика, а любить его сына! Они будут жить в одном дворце – возможно, даже видеться, – но не смогут и словом друг с другом перемолвиться! Теадора всхлинула и вдруг разразилась рыданиями.

Айрис, не зная истинной причины ее слез, попыталась успокоить свою госпожу:

– Не плачьте, дитя мое. Рано или поздно это случается с каждой из нас, и надо безропотно принимать свою судьбу. Конечно, хотелось бы, чтобы у вас был муж помоложе, но, говорят, султан еще в силе, да и любовник хороший.

Заметив, что Теадора зажмурилась, словно от невыносимой боли, Айрис высыпала в вино содержимое первого пакетика. Под ее взглядом девушка выпила вино, не зная, что в него добавлено снадобье.

У них совсем не осталось времени. Монахини уже собрались во дворе монастыря, чтобы попрощаться с Теадорой и пожелать доброго пути.

– Ваше высочество, не забывайте о христианских пленниках и рабах и прошу вас: по мере возможности помогайте им, – сказала мать Мария Джозефа. – Их участь очень тяжела, и это ваш христианский долг. А мы здесь всегда готовы помочь вам в этой благотворительности.

Теадора механически кивнула и с помощью рабынь поднялась в большой паланкин. Айрис забралась следом, задернула занавески, и они двинулись в путь. Рабыня задумчиво наблюдала за сидевшей напротив девушкой, очень бледной, убитой горем. Она не издавала ни единого звука, но по щекам у нее текли слезы. Айрис забеспокоилась. Рабыней она стала всего пять лет назад и знала о жизни больше многих, поэтому догадалась, что это вовсе не из-за боязни предстоящего: так плачет женщина, страдающая от разбитого сердца. Но что могло с ней произойти? Айрис знала, что Теадора не стремилась стать монахиней, и, значит, дело не в этом. Оставалась всего одна возможность, но настолько неправдоподобная, что была сродни абсурду. И все же... Вспоминая, как принцесса вела себя последние два месяца, Айрис начала кое о чем догадываться и решила проверить свои подозрения. Она глубоко вздохнула. То, что она собиралась предпринять, было очень опасно: доказательств у нее нет, к тому же принцесса могла в одно мгновение приговорить ее к смерти, если почувствует себя загнанной в угол. И все же Айрис наклонилась к госпоже и шепотом сказала:

– Ваше высочество, если нам есть о чем-то поговорить, то это возможно только сейчас. Как только мы окажемся во дворце, за нами будут постоянно шпионить, и не только всякая

шушера, подчиненная главному евнуху, но и те, кому платят две других жены султана, а еще его фаворитки: сколько их, одному Богу известно. Все они будут искать случая бросить на вас тень, чтобы добиться привилегированного положения. Так что, если вы хотите снять груз с души и рассказать, что вас мучает, это нужно сделать сейчас. Прошу вас, ваше высочество. Я хочу остаться вашим другом, и мне понятно, что причина ваших слез – мужчина.

Теодора посмотрела ей в глаза, и ее взгляд был полон такой боли, что Айрис сама чуть не заплакала.

– Хорошо, я расскажу... Мне нужно с кем-то поделиться, а не то с ума сойду. Если даже ты меня предашь, это будет милосердием, потому что больше всего я хотела бы сейчас умереть.

И Теодора начала медленно, то и дело сбиваясь, рассказывать свою трогательную историю, пока не рассказала все.

Когда ее подопечная замолчала, Айрис вздохнула. Им придется нелегко, зато теперь, когда госпожа сняла с души хотя бы часть тяжести, она может сосредоточиться на подготовке девочки к тому, что предстоит.

– Я попытаюсь поговорить с принцем, – пообещала она Теодоре и получила в награду улыбку и взгляд, полный надежды. – Но, госпожа, вам придется смириться с фактом, что вы жена султана и сегодня этот брак будет осуществлен.

– Ах, Айрис, я думала, он обо мне забыл. С тех пор как меня привезли в монастырь, он ни разу не дал понять, что я вообще его интересую.

– Не знаю, принцесса, что случилось, но, думаю, ответ на этот вопрос мы найдем во дворце султана. Однако я хочу вас кое о чем предупредить. Вы такая невинная, что не представляете, какими злыми и коварными бывают люди. Во дворце вы никому не должны доверять, кроме меня, никому, но даже если вам понадобится поговорить со мной, мы обязательно должны выйти. Во дворце повсюду уши.

– Айрис, ты бывала в этом дворце. Как там все устроено? Будет у меня возможность уединиться или все женщины живут вместе?

– Женщинам отведена отдельная часть дворца, но у жен и фавориток султана есть собственные апартаменты. Главный евнух назначил меня старшей служанкой, но вам дадут и других рабов и евнухов – этого требует ваше положение.

– Как думаешь, Айрис, им можно доверять?

– Нет! Все они будут шпионить за нами для своих хозяев. Какое-то время нам придется их терпеть: до тех пор пока не сможем подобрать себе нужных людей сами, – но не бойтесь, принцесса, я вас не дам в обиду.

Паланкин остановился, занавеси раздвинули, и Теодора увидела внутренний двор, вымощенный плиткой.

Появился Али Яхия, помог ей выйти и произнес:

– Прошу вас, принцесса, следуйте за мной.

Миновав целый лабиринт коридоров и переходов, евнух наконец остановился перед резной дверью, открыл ее, и они оказались в маленькой комнате.

– Принцесса, вот ваши апартаменты: за этой комнатой – спальня.

Айрис огляделась, не веря своим глазам. Ее хозяйке отведено всего две маленьких комнатки? Она быстро помолилась про себя, прося Господа дать ей дожить до завтра, и накинулась на евнуха:

– Что же, по-твоему, моя хозяйка какая-нибудь рабыня? Эти каморки не годятся даже для собаки, не говоря уже о дочери императора! Две клетушки с зарешеченными оконцами, выходящими во внутренний двор? А где сад? Где ее слуги?

– Твоя госпожа пока еще не заслужила милость моего хозяина.

– Моя госпожа и не должна ничего добиваться! – дерзко ответила Айрис. – Она дочь императора! Да даже у ее служанок в монастыре Святой Екатерины было жилье прилич-

нее этого! Не знаю, понравится ли султану брачная ночь, если невеста начнет жаловаться на неудобства.

Али Яхия почувствовал себя неуютно: конечно, весьма сомнительно, что эта неопытная девочка способна доставить удовольствие его пресыщенному хозяину, – но все-таки такое нельзя исключать. И если это произойдет...

– Айрис, ты еще раз доказала, что я не ошибся, назначив тебя на эту должность, – проговорил он кисло. – Это всего лишь то место, где твоя госпожа может отдохнуть. Нам было необходимо привезти ее во дворец именно сегодня, а покои не успели подготовить. Еще максимум час, и она сможет туда перейти. Я прикажу служанке принести пока что-нибудь перекусить.

– Пф-ф! – фыркнула Айрис, когда евнух, собрав остатки чувства собственного достоинства, поспешно удалился. – Ловко этот змей выкрутился.

– Это не имеет значения, – тихо сказала Теадора.

– Очень даже имеет! Дитя мое, что бы ни случилось, не забывайте, что вы Теадора Кантакузин, дочь императора Иоанна. В этом дворце держите голову высоко, иначе над вами возьмут верх те, кто ниже вас по положению.

Не прошло и часа, как их привели в просторные апартаменты из шести больших светлых комнат, с собственным ухоженным садом, огороженным стенами, с которых открывался прекрасный вид на горы. В саду журчали фонтаны, выложенные плиткой. Отметив, что им выделили дюжину рабынь и двух негров-евнухов, Айрис высокомерно заявила:

– Моя госпожа вполне удовлетворена.

Али Яхия кивнул.

– Немедля веди свою госпожу к банщице: на подготовку к сегодняшней ночи уйдет весь остаток дня.

Обычно в банях гарема было шумно и многолюдно, но сегодня все женщины собрались смотреть представление старого египетского фокусника. Банщица коротко приветствовала Теадору и сразу принялась за дело. Совершенно ошеломленная, принцесса и опомниться не успела, как ее уже раздели донага и тщательно осмотрели со всех сторон. Самые интимные части ее тела сжимали, раздвигали, ощупывали, даже нюхали, чтобы проверить, нет ли у нее какой болезни. Теадора покраснела до корней волос как от возмущения, так и от стыда, но изменить что-либо была не в силах. Наконец банщица, с удовлетворенным видом отступив на шаг, заявила:

– Ваше высочество, ваше тело безупречно и здорово. Вы свежи, как едва распутившаяся роза, и это радует, потому что султан не терпит даже малейших изъянов. Теперь мы можем продолжить.

Теадора едва не рассмеялась. Они все так переживают, угодит ли она султану, тогда как ей самой это совершенно безразлично. Ей хотелось только одного: снова оказаться в монастырском фруктовом саду с Мурадом. Она снова и снова повторяла мысленно его имя, а банщица тем временем нанесла на все участки ее тела, где росли волосы, какую-то розовую пасту с ароматом миндаля.

Теадора не знала, что практически напротив бань для гарема в другой части дома находятся бани для мужчин. И пока она молча терпела осмотр и остальные манипуляции, в парилке на мужской половине два любимых сына султана Орхана, Сулейман и Мурад, сидели за дружеской беседой.

– До меня дошли слухи, что Иоанну Кантакузину нужна наша помощь в борьбе против его зятя. Это правда? – спросил Мурад.

– Да, правда, – ответил Сулейман. – Вот почему сегодня ночью будет наконец осуществлен брак отца с их принцессой.

У Мурада от услышанного закружилась голова, а его брат, ни о чем не догадываясь, продолжил:

– Старик мог бы оставить девушку в монастыре, но ее отец настоял, чтобы были выполнены все пункты брачного договора. Ну и не последнюю роль сыграла перспектива получить оставшуюся часть приданого маленькой византийки, а это, кроме золота, Цимпа. Крепостью отец отправит командовать меня. Не хочешь ко мне присоединиться?

– А что, принцесса уже здесь? – поинтересовался Мурад, постаравшись не выдать истинных чувств.

– Да, она хорошенькая, хотя, на мой вкус, слишком худая и бледная: я видел ее мельком сегодня утром, – когда только их привезли. Небось напугана, бедная девочка. Что ж, к утру ее приручат: наш отец хоть и старый, но все еще способен заставить женщину стонать от удовольствия и умолять о большем. Как думаешь, брат, мы сможем так же долго сохранять мужскую силу?

– Да-да, – невпопад пробормотал Мурад, все мысли которого в этот момент занимала Теадора, его дорогая голубка, его любимая.

А Сулейман никак не унимался:

– Леди Анастасия говорит, что принцесса, вероятно, сама подтолкнула своего отца в надежде улучшить свое положение, ведь все Кантакузины очень амбициозные.

– С меня, пожалуй, хватит, – сказал Мурад, вставая.

Едва покинув парилку, он поспешно схватил таз, и его вырвало.

– Наверное, рыба была несвежая, черт бы ее побрал! – пробормотал принц, сунув таз в руки подбежавшему рабу, потом ополоснул рот мятной водой, оделся и направился в апартаменты матери.

К своему немалому удивлению, Мурад застал Анастасию и Нилуфер вместе и, не церемонясь, без предисловий, спросил:

– Это правда? Правда, что старый распутник сегодня намерен провести ночь с этой византийской принцессой?

– Да, – ответила Нилуфер, все еще красивая в свои сорок с лишним лет, с волосами цвета пшеницы, по-прежнему блестящими на солнце золотом, и янтарного оттенка глазами, сохранившими яркость, но теперь и светившимися мудростью. – Мы с Анастасией как раз обсуждали этот очень неожиданный поворот событий и думали, как нам быть.

– Эта девушка честолюбива, – вступила в беседу мать Ибрагима, – как и все Кантакузины, корыстна. Уж мне ли не знать: как-никак император – мой кузен. Ясно, что девчонке стало скучно в монастыре, вот она и пожаловалась отцу. Только не знает, глупышка, что после ночи с Орханом может пожалеть, что там и не осталась.

Анастасия рассмеялась, и Мурад окинул женщину, которая всегда была его врагом, неприязненным взглядом. Миниатюрная Анастасия была на десять лет старше его матери, с седыми волосами, отливавшими сталью, и такими глазами... Ему никогда не приходилось видеть других столь же холодных глаз.

– Как вышло, что вы после стольких лет вражды стали союзницами? – спросил он с усмешкой.

– Всею виной новая жена твоего отца, – жестко, не покривив душой, ответила Анастасия.

– Но ведь он женился на ней несколько лет назад, и тогда это вас не волновало. Что же изменилось? Отчего вы с моей матерью вдруг стали закадычными подругами?

– Дело в том, что сегодня ночью он возьмет ее в свою постель. Если она окажется плодотворной и родит ему сына...

Анастасия не договорила и бесстрастно посмотрела Мураду в глаза.

– Вряд ли он назовет этого младенца своим наследником в обход взрослых сыновей, нас с Сулейманом. Тем более зачать ребенка в его возрасте весьма проблематично, – резко произнес

Мурад. – Надеюсь, мама, ты не будешь участвовать в травле этой девочки: ей понадобятся друзья во дворце.

Не дожидаясь ответа, он быстрым шагом покинул апартаменты.

Что бы его мать и Анастасия ни говорили о честолюбии Теадоры, Мурад знал, что это неправда. Они даже не видели ее, а уже осуждают. Бедняжка, она, должно быть, очень напугана. Скоро ее приведут к этому старому извращенцу. Едва подумав об этом, он опять почувствовал тошноту и понял, что должен немедленно убраться из дворца: не мог он оставаться здесь этой ночью, зная, что невинность его любимой принесут в жертву на алтаре жадности.

Неожиданно откуда-то из густой тени выступила женская фигура с лицом, скрытым под густой вуалью, и быстро проговорила:

– Принцесса хочет, чтобы вы знали: эта ситуация сложилась не по ее воле, – но она выполнит свой долг, как ее учили.

Женщина поспешила прочь, и Мурад чуть было не закричал вслед удаляющейся фигуре, но, одумавшись, решительным шагом направился к конюшне. Там он приказал подать коня, вскочил в седло и поскакал вперед, туда, где маячили вдали горы.

Глава 4

Еще никогда в жизни Теадора не была такой чистой. Ее мыли так тщательно, что она даже испугалась, как бы не стерли саму кожу. С ее тела удалили все до единого волоски, оставив лишь косы, брови и ресницы. Ногти на руках и ногах подстригли очень коротко, чтобы она – пусть даже нечаянно – не поцарапала своего господина и хозяина. Ее косы расплели, и длинные волосы цвета красного дерева так отмыли и натерли шелком, что они блестели и на свету отливали золотом. Ее благоухающая кожа сияла здоровьем, а подошвы ступней и ладони блестели, окрашенные хной.

И только в аметистовых глазах застыла тревога и появился страх. Теадора не понимала, к чему вся эта спешка, а когда попыталась расспросить Али Яхию, тот сначала растерялся, а потом просто отмахнулся от нее, отделившись общими фразами:

– Принцесса, вы уже несколько лет как замужем. Теперь, когда вы достигли физической зрелости, султан желает принять вас в своей постели. В этом нет ничего странного.

Евнух видел, что такой ответ ее не удовлетворил, и почувствовал себя совсем неуютно, потому что вдруг понял: девочка не повинна в хитрости или кокетстве. Она просто не хочет делить постель с супругом. Теперь Али Яхия был уверен, что принцесса спокойно оставалась бы в монастыре Святой Екатерины, не потребуй ее отец осуществления брака. И это открытие сделало его миссию куда более трудной.

Ровно через четыре часа после захода солнца Али Яхия в сопровождении госпожи Анастасии и госпожи Нилуфер пришел в апартаменты Теадоры, чтобы сопроводить ее к супругу. Две старших жены, разодетые в великолепные шелка, расшитые золотом и драгоценными камнями, являли разительный контраст с молоденькой девушкой в простом белом шелковом халате. Традиции и правила хорошего тона требовали, чтобы они отнеслись к молодой жене хозяина сердечно, желали ей счастья, но ни одна не произнесла ни слова. И если Нилуфер смотрела на девушку с любопытством, то Анастасия – с откровенной злобой.

«Вот, значит, как! – подумала Айрис с негодованием. – Две старые драные кошки!»

Старший евнух повернул к ней голову и быстро проговорил, понизив голос:

– Через пару часов твоя госпожа вернется. Будь готова, ты ей понадобишься!

«О боже! – в ужасе подумала Айрис. – Что они собираются делать с бедной девочкой?»

Невольники почтительно несли паланкин по пустым коридорам гарема, пока наконец не остановились перед огромной двустворчатой бронзовой дверью. Али Яхия помог дрожащей

Теодоре спуститься, и в его сопровождении она вошла в покои. Тяжелая дверь с глухим стуком закрылась за ними, и в этом звуке ей послышалось нечто пугающее, неотвратимое.

Теодора оказалась в роскошно декорированной комнате. Мраморные полы покрывали толстые шерстяные ковры, на стенах висели прекрасные шелковые гобелены. В трех углах комнаты стояли искусно выкованные высокие золотые курильницы, распространявшие аромат благовоний. Четвертый угол занимала изразцовая печь, в которой горели яблоневые поленья. С высокого темного потолка с выступающими балками свисали на цепях две серебряные лампы с цветными стеклами, бросая мягкий свет на массивную кровать, установленную на помост. Пространство между резными столбиками балдахина закрывали роскошные занавеси из разноцветного шелка. К этой кровати Али Яхия и подвел Теодору. Тут же – казалось, ниоткуда – появились рабыни и сняли с девушки единственный предмет одежды, который на ней еще оставался.

– Принцесса, ложитесь, пожалуйста, на кровать, – мягко проговорил Али Яхия.

Теодора повиновалась. К ее ужасу, евнух наклонился над ней и мягким шелковым шнуром привязал одну ее руку к столбику кровати, а рабыня тем временем – другую. Ноги ей тоже развели в стороны и таким же манером привязали к столбикам кроватями. Теодору охватила паника, она вскрикнула, но евнух тут же ладонью зажал ей рот.

– Ваше высочество, не кричите! Никто не причинит вам вреда. Вы обещаете не визжать, если я уберу руку?

Теодора кивнула, а когда он убрал руку от ее лица, спросила дрожащим голосом:

– Почему меня привязали?

– Потому что таков был приказ султана. Брачный договор предусматривает, что ваш брак должен быть осуществлен не раньше, чем вы достигнете зрелости. Честно говоря, султан намеревался оставить вас в том монастыре, но ваш отец настоял на выполнении всех пунктов заключенного между ними договора.

– Мой отец? – воскликнула Теодора, не веря своим ушам. – На этом настоял мой отец? О боже, как он мог!

– Ваше высочество, ему снова потребовалась помощь султана. Ваша сестра и ее муж доставляют ему неприятности. Последняя треть вашего приданого, включающая оплату золотом и стратегически важную крепость Цимпа, которую мой хозяин очень хочет получить, не будет выплачена до тех пор, пока вы не забеременеете.

Несколько мгновений Теодора молчала, потом с горечью, обращаясь не столько к евнуху, сколько к самой себе, воскликнула:

– И ради этого я так берегла свою девственность! Чтобы меня насильно отдали старику в обмен на отряд солдат, горсть золота и крепость!

Она вздохнула и, помолчав, снова обратила взгляд на евнуха.

– Но зачем господин повелел привязать меня к кровати?

– Потому что вы неопытны в искусстве любви. По своему неведению вы, вероятно, станете сопротивляться и тем самым вызовете неудовольствие султана. У нас не было времени подготовить вас должным образом и научить всему необходимому. Вас привезли во дворец сегодня, потому что это первый плодный день вашего лунного цикла. Вы будете делить постель с султаном четыре ночи, и если после них не понесете, то через месяц мой хозяин возьмет вас снова. Вы будете соединяться с господином до тех пор, пока его труды не принесут плод.

Это ужасающее откровение ошеломило Теодору. Возможно, ей было бы не так больно, если бы она не познала сладость любовных ласк принца Мурада. Должно быть, султан ее ненавидит! Она мысленно прокляла отца за то, что так жестоко предал ее. И в это мгновение ослепляющего озарения Теодора Кантакузин повзрослела.

Али Яхия снова заговорил, и было видно, что он ей сочувствует:

– Принцесса, вас нужно подготовить к приходу господина. Не пугайтесь того, что последует дальше: просто ваше тело еще не готово принять мужчину.

В ответ на ее озадаченный взгляд евнух хлопнул в ладоши, и в комнату вошли две красивые женщины. Каждая держала в руке белое страусовое перо. Они бесшумно уселись на табуреты по бокам от кровати и по кивку главного евнуха начали прикасаться мягкими перьями к ее грудям. Теодора посмотрела на них, ничего не подозревая, но вскоре с изумлением обнаружила, что их мягкие ласки начинают возбуждать ее тело. Ее груди стали наливаясь и твердеть, соски увеличились, и в них появилось покалывание. Она тихо ахнула, удивляясь своей реакции. Евнух несколько минут наблюдал за ней из-под полуопущенных век, отмечая про себя каждое ее движение, затем снова хлопнул в ладоши, и к кровати подошли две молоденькие девушки – по сути, дети – и взрослая женщина. Ни слова не говоря, девочки встали по бокам от Теодоры, наклонились над ней и осторожно раздвинули нижние губы. Женщина тоже наклонилась, вынула из рукава длинное остроконечное перо и прикоснулась им к самому чувствительному местечку. Теодора застыла, потрясенная этим пугающим вторжением, но когда попыталась открыть рот, чтобы возразить, ей быстро заткнули его шелковым носовым платком. Это была сладкая пытка, но ее переполняло возмущение. С ней обращались словно с кобылицей, которую ведут на спаривание к жеребцу. Ощущения, сходные с теми, которые она испытывала, когда ее ласкали пальцы Мурада, накатывали на нее волна за волной, и она визжала, хотя и беззвучно. Боже, ну почему ее бедра не могут оставаться неподвижными!

В полумраке она уловила еще какое-то движение, и возле кровати появился высокий мужчина в парчовом халате. От страха и чувственного возбуждения у Теодоры против воли помутилось в глазах, но она поняла, что это султан Орхан. Его волосы, которые она помнила темными, стали почти белыми, но глаза... о, эти глаза остались такими же черными, как у Мурада! Султан бросил на нее бесстрастный взгляд и заметил, обращаясь к Али Яхии, так, словно Теодоры здесь не было:

– Она и впрямь довольно красива. Жаль, что нет времени как следует ее обучить. Она все еще девственница?

– Ваше величество, мне даже в голову не пришло проверить. Но, в конце концов, она ведь жила в монастыре.

– Убедись! Знаю я этих монашек: они любят непристойные игры.

Евнух отрывисто кивнул женщине с пером, и та прекратила свои манипуляции. Али Яхия наклонился и осторожно ввел в лоно беспомощной девушки палец. Теодора напряглась всем телом, натягивая шелковые путы, и евнух, отпрянув, выпрямился:

– Мой господин, она девственна.

– Я не хочу с ней возиться: меня ждет Мара. После того как с этим делом будет покончено, я пойду к ней. Позаботься о том, чтобы мне не пришлось заниматься еще и этим.

Теодора не верила своим ушам, но у нее не было времени на расспросы. Главный евнух быстро отдал какое-то распоряжение и через несколько секунд склонился над Теодорой с длинным, толстым, отполированным до блеска деревянным предметом в форме фаллоса в руках.

– Ваше высочество, вам будет больно, но всего мгновение, – проговорил он, словно извиняясь, а потом добавил тихо, так чтобы слышала только она: – Простите меня, принцесса.

Теодора почувствовала, как ее сокровенного местечка касается холодное гладкое дерево, и беззвучно заплакала от стыда. Последовал резкий толчок, ее тело пронзила острая жгучая боль, но постепенно стихла. Внутренняя поверхность ее бедер увлажнилась. В этот момент Теодора мечтала только об одном: лишиться чувств и таким образом сбежать от всего этого, – но, к несчастью, оставалась в сознании и теперь ее внимание переключилось с собственных ощущений на султана. Он по-прежнему стоял над ней и без малейших эмоций наблюдал за происходящим, потом раскинул руки в стороны, и в тот же миг рабы сняли с него парчовый

халат. Теадора с удивлением увидела над собой все еще крепкое, как у молодого мужчины, тело, разве что более худощавое.

Теадора как зачарованная наблюдала, как к султану приблизилась обнаженная девушка с длинными золотистыми волосами, поклонилась, встала перед ним на колени и пала ниц, коснувшись лбом ступни господина в древнем жесте, выражающем полное подчинение. Потом, не вставая с колен, она выпрямилась, потерлась щекой о пах султана, взяла в руки его вялый орган и стала ласкать его тонкими нежными пальцами и покрывать быстрыми дразнящими поцелуями. Когда девушка взяла набухающий орган в рот, Теадора ощутила всплеск желания. В ужасе от самой себя, она повернула голову в сторону – и наткнулась на насмешливый взгляд одной из девушек, ласкавших ее груди, ноющие соски. Залившись краской стыда, она закрыла глаза, и хотя ощущения стали еще острее, старалась не поднимать веки.

Послышались звуки быстро удаляющихся шагов, и Теадора открыла глаза. Ее оставили наедине с султаном. Он подошел к кровати: его восставшее мужское естество было огромным и влажно блестящим, – схватил круглую подушку и подсунил ей под бедра, чтобы облегчить себе доступ.

В следующее мгновение он оседлал ее, как кобылу, и она почувствовала грубое вторжение. Он стал двигаться в ней, мять руками ее груди, щипать соски, силой заставил ее поднять голову, чтобы смотреть ей в лицо. Взгляд его оставался тем временем холодным и бесстрастным. Опасаясь закрыть глаза, призвав на помощь все свое самообладание, она мысленно снова и снова выкрикивала: «Мурад!» Внезапно мужчина содрогнулся и рухнул на нее. Несколько минут они лежали спокойно, потом султан слез, развязал путы на ее ступнях, сдвинул ей ноги и поднял вверх. Следующая фраза стала первой и последней за все время этого кошмара, обращенной к ней:

– Теадора, не опуская ноги, лежи так, не то потеряешь мое семя.

С этими словами султан повернулся и скрылся в темноте, Теадора слышала, как за ним закрылась дверь. Она осталась одна. Все ее тело охватила дрожь, по щекам полились долго сдерживаемые слезы. Через несколько минут появился Али Яхия, вынул у нее изо рта шелковый кляп, молча отвязал ее руки и растер запястья. Все так же не говоря ни слова, он достал из кармана халата носовой платок и стер с ее лица слезы, потом помог ей встать, закутал дрожащее от холода тело в шелковый халат и вывел ее в коридор, к паланкину. Вскоре Теадора оказалась в теплых ласковых объятиях Айрис, и та отвела ее в постель.

Али Яхия остался ждать в гостиной Теадоры, согреваясь возле изразцовой печи. Наконец из спальни принцессы вышла Айрис, остановилась и вопросительно посмотрела на него. Евнух своим высоким мягким голосом рассказал ей обо всем, что произошло, и в заключение добавил:

– Твоя задача – позаботиться, чтобы принцесса не впала в меланхолию.

Айрис издала резкий смешок.

– И как, по-твоему, я могу это сделать? Она молода, ее растили с любовью. Любая юная девственница побаивается первой брачной ночи, но султан обошелся с моей маленькой госпожой грубо и жестоко. И что еще хуже, ей предстоит выносить такое же обращение еще три ночи! Почему? Чем это дитя заслужило такое жестокое обращение султана?

– Женщина, не твое дело задавать вопросы! – возмутился евнух.

– Али Яхия, если моя задача убедить девушку жить дальше, я должна знать все.

– Султан рассердился на принцессу за то, что, как он думал, она сама для улучшения своего положения уговорила отца потребовать выполнения всех условий брачного договора. Я тоже так думал, пока не познакомился с принцессой, но теперь вижу, что в ней совсем нет коварства. Две других жены султана, Анастасия и Нилуфер, тоже постарались разжечь гнев господина к принцессе, потому что боятся конкуренции.

– Евнух, моя принцесса словно нежный цветок. Ты должен уговорить султана в следующие несколько ночей обращаться с ней бережно. Какая будет польза от этой жестокости, если девочка лишится рассудка или умрет? Думаешь, византийский император, когда узнает, что случилось с его любимой дочерью, в награду пожалует твоему господину оставшуюся часть приданого моей госпожи? Может, Кантакузин и использовал дочь в своих политических целях, но она все равно остается его кровинкой и он ее любит.

Али Яхия кивнул.

– Ты права, женщина. Я позабочусь, чтобы сердце султана смягчилось по отношению к принцессе. Но ты должна мне пообещать, что будешь следить за каждым шагом девушки и не позволишь ей совершить глупость.

С этими словами евнух резко развернулся и ушел. Айрис дождалась, когда дверь за ним закроется, и побежала в спальню Теадоры.

Та лежала на спине, едва дыша и не издавая ни звука, но ее прекрасное лицо было мокрым от слез. Айрис подошла к кровати табурет, села и попросила подопечную:

– Расскажите мне, о чем вы думаете.

– Я думаю, что даже последний зверь в поле счастливее меня, – последовал тихий ответ.

– Моя госпожа, вы хотите умереть?

– Умереть? – Теадора резко села и с горечью рассмеялась. – Нет, Айрис, умереть я не хочу, напротив: я хочу жить, чтобы отомстить за это оскорбление! Как посмел султан взять меня так, словно я какая-то дикарка из варварского племени? Я Теадора Кантакузин, византийская принцесса!

Ее голос едва не срывался на истерический визг, и Айрис заметила, показав на уши:

– Все хорошо, моя принцесса, помните?

Теадора тут же замолчала. Рабыня встала, налила в бокал красного кипрского вина, добавила в него щепотку молотых пряных трав и подала бокал госпоже.

– Выпейте. Здесь есть снотворные травы. Завтра вам понадобится вся ваша мудрость и храбрость, а значит, нужно хорошо выспаться.

Теадора осушила бокал и попросила:

– Айрис, обязательно разбуди меня до полудня.

Когда госпожа снова легла, давая понять, что собирается спать, рабыня на цыпочках вышла из комнаты, но аметистовые глаза Теадоры оставались открытыми. Она лежала и смотрела в потолок, уже немного успокоившись. Сильное потрясение прошло, однако нанесенное ей оскорбление она никогда не забудет.

После их встреч с принцем Мурадом у нее сложилось впечатление, что все происходящее между мужчиной и женщиной очень приятно. Супруг лишил ее прекрасной брачной ночи, но допускать, чтобы с ней обращались подобным образом, она никогда больше не собиралась. Если ее отец, будь он проклят, желал, чтобы она родила Орхану сына, она родит, но прежде заставит мужа пожалеть о сегодняшней ночи. Она сделает так, что он будет желать ее сильнее, чем всех других женщин, вместе взятых, а потом... откажет ему.

Когда ее пресыщенный муж наконец окажется у ее ног, умоляя о милостях – а так и будет! – она, возможно, и проявит к нему благосклонность, а может быть, и нет – это уж как ей в голову взбредет.

Принятое решение позволило Теадоре наконец расслабиться и, поддавшись действию усыпляющего снадобья, уснуть. Позже Айрис, заглянув в спальню, с облегчением увидела, что принцесса безмятежно спит.

Глава 5

Али Яхия чуть было не потерял свою обычную невозмутимость, глядя с открытым от изумления ртом на маленькую девочку, стоявшую перед ним, а та писклявым голоском повторила:

– Вы, что, оглохли? Моя госпожа, принцесса Теадора, требует, чтобы вы немедленно явились к ней, так что пойдете со мной.

Схватив изумленного главного евнуха за толстую руку, она потянула его за собой по коридору в сторону покоев принцессы.

Когда Али Яхия увидел Теадору, у него от удивления отвисла челюсть. Вчера ему казалось, что она не переживет свою брачную ночь, но эта молодая женщина ничем не напоминала то сломленное создание. Евнух впервые в жизни осознал истинный смысл слова «царственная».

Утром Теадора распорядилась, чтобы в ее гостиной установили на постаменте небольшой трон, и на нем приняла главного евнуха, одетая в шелка цвета морской волны и персидской сини, без украшений, потому что у нее их не было, с волосами, заплетенными в косы.

Теадора выглядела такой серьезной, что Али Яхия поначалу даже растерялся, но потом отвесил глубокий поклон, за что и был вознагражден слабой улыбкой. Царственным взмахом руки принцесса отослала рабов из комнаты и, оставшись наедине с главным евнухом, тихо сказала:

– Передайте своему господину: если то, что произошло вчера ночью, повторится хоть раз, я сообщу об этом моему отцу, императору Иоанну. Свой долг я сознаю, и ребенок появится на свет так быстро, как позволит природа, но впредь султан должен приходить ко мне один и принимать мою неопытность так, как принял бы любой супруг-христианин, – с восторгом, поскольку это доказательство моей невинности. Если же он желал видеть меня искушенной в любви, ему следовало позаботиться, чтобы меня обучили. Я в его стране уже давно, и он знал, где меня найти. Пусть мне пришлют учителей, которые помогут устранить мое невежество в этом деле, но, возможно, на первых порах султану будет интересно самому меня обучить. Для него это должно быть в новинку.

Главный евнух постарался скрыть удивление и очень серьезно сказал:

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы походатайствовать за вас.

– Верю, что сделаешь, Али Яхия. Из всех, кого я видела в этом дворце, ты единственный, кто помнит о моем положении. И я не забуду твою доброту. Спасибо, что пришел.

Евнух повернулся к выходу, но Теадора его остановила:

– Да, чуть не забыла. Позаботься, пожалуйста, чтобы завтра мы с Айрис могли посетить городской рынок невольников.

– Ваше высочество, если вам нужны еще рабы, я с радостью предоставлю их вам.

– Али Яхия, мне нужны не шпионы, а собственные слуги. Я не желаю жить в окружении соглядатаев, что находятся на содержании у госпожи Анастасии, или Нилуфер, или какой-нибудь фаворитки моего мужа. Или на твоём, Али Яхия, если уж на то пошло. Я понятно выразилась?

Евнух кивнул.

– Ваше высочество, я сделаю все так, как вы желаете.

С этими словами Алия Яхия вышел и поспешил на поиски своего господина. Султана он застал в обществе одной из его новых фавориток, белокурой черкешенки по имени Михрима. Девушка являла собой пример идеально обученной наложницы, образцом хороших манер, покорности и мастерства в любовных утехах. Али Яхия бесстрастно наблюдал, как Михрима взяла губами кусочек сладости и предложила своему господину. Евнуха султан восхитил – в

таком возрасте все еще мог так быстро возбудиться и быть на высоте. Орхан, не обращая внимания на присутствие слуги, взял девушку и довел до такого состояния, что она была полностью покорена и почти рыдала. Только утолив свою похоть, султан посмотрел на евнуха. Али Яхия одним движением брови попросил хозяина отослать девушку, и Орхан оттолкнул Мехриму ногой.

– Уходи!

Она мгновенно подчинилась, вскочила и выбежала из комнаты.

– Говори, Али Яхия. Что у тебя?

Евнух бросился на пол, взял ступню султана и поставил на свою склоненную голову.

– Мой господин, я совершил огромную ошибку: вынес неверное суждение, – и умоляю меня простить.

Орхан был заинтригован. Али Яхия служил ему уже лет двадцать пять, из них последние пятнадцать возглавлял штат белых евнухов. Его суждения всегда были взвешенными, бесстрастными и точными. Никогда еще султан не слышал от него подобных просьб.

– В чем дело, мой старый друг? – участливо спросил Орхан.

– Господин, дело касается принцессы Теадоры. Я был не прав насчет нее, и ваши жены тоже ошиблись. Она не повинна ни в каких интригах и не пыталась улучшить свое положение. Я знал это еще вчера, но было уже поздно что-либо менять... – Али Яхия замолчал, давая султану время вспомнить события предыдущего вечера, потом продолжил: – Сегодня утром она позвала меня и попросила передать вам, чтобы вы простили ее неопытность в искусстве доставлять вам наслаждение. Кроме того, она умоляла найти ей наставников, которые могли бы обучить ее и восполнить этот пробел.

– Вот как?

Орхан заинтересовался. Если бы после этой ночи девушка попыталась покончить с собой, он бы не очень удивился, и ему было бы все равно, но сейчас был заинтригован.

– Мой господин, если позволите высказать соображение... Возможно, вам было бы интересно самому стать ее первым учителем. Кто знает ваши желания лучше вас самого? Мне показалось, что ей не терпится научиться, к тому же она довольно красива.

Султан прищурился, вспоминая, и усмехнулся.

– Значит, говоришь, ей не терпится научиться? Даже после такой ночи? И ты считаешь, что мне стоит самому ее обучить?

– Мой господин, это будет вам в новинку. Я, конечно, не могу это утверждать, но если вас постоянно удовлетворяют только женщины из вашего гарема, разве это не может наскучить? А здесь – чистый лист. Вы сможете сами научить ее тому, что вам больше всего нравится. Если она преуспеет в науке, вы ее наградите, а если будет продвигаться медленно – накажете. Все на ваше усмотрение.

Глаза султана возбужденно блеснули. Евнух знал, что ему иногда доставляет удовольствие пороть невольниц.

– Али Яхия, так ты уверен, что не она подтолкнула своего отца к такому решению?

– Совершенно уверен, мой господин: это была целиком инициатива ее отца. Она сама предпочла бы остаться в монастыре Святой Екатерины.

Орхан лениво улыбнулся.

– Что ж, друг мой, она скоро передумает. Я научу ее жаждать моих прикосновений. Передай ей, что я прощаю ее невежество, и сегодня ночью мы начнем уроки любовного искусства.

Евнух склонился в поклоне, с трудом скрывая радость, но с принцессой, однако, лукавить не собирался. Вчера он воспринимал ее всего лишь как одну из тысячи таких же, но сегодня, когда увидел, как она, оправившись от отчаяния, показала свою силу, изменил мнение. Не последнюю роль сыграл здесь и его инстинкт самосохранения. Али Яхия не знал наверняка,

что собой представляет Теадора Кантакузин, но был уверен, что со временем она станет силой, с которой придется считаться.

Теадору снова вымыли, намазали кремом и надушили, но на сей раз Али Яхия принес ей ночное белье из тончайшего полупрозрачного шелка и несколько изящных украшений. Розовая ткань панталон и открытое болеро подчеркивали сливочную белизну ее кожи. Манжеты на шиколотках украшали цветочки, вышитые золотой нитью, а болеро по бокам и низу было отделано крошечными хрустальными бусинками. Главный евнух помог ей надеть на шею тонкие золотые цепочки разной длины, а затем собственноручно надел на ее тонкий палец массивное кольцо из красного золота с грубо обработанной ярко-синей персидской бирюзой.

– А это, ваше высочество, подарок лично от меня.

– Спасибо, Али Яхия, я буду его беречь.

Теадора вопросительно посмотрела на евнуха, и тот успокоил ее:

– Все будет хорошо, обещаю.

Евнух помог принцессе сесть в паланкин, потом склонился и вддел ей в уши золотые серьги с маленькими хрусталиками. Теадора потрогала их и пришла в совершеннейший восторг. Али Яхия улыбнулся в ответ. Хоть в ней и чувствовалось внутреннее величие, какой же она еще, по сути, ребенок! Серьги завораживающе сверкали, хорошо заметные, поскольку волосы Теадоры были зачесаны назад и заплетены в две косы с розовыми лентами, расшитыми крошечными жемчужинами. Евнух подумал, что со стороны хозяина было бы глупостью плохо обращаться с такой прелестной малышкой, хотя это и маловероятно. Султан Орхан почти весь день только о том и думал, как станет обучать свою молодую жену искусству любовных ласк. Это было для него в новинку, он с нетерпением ждал вечера и очень надеялся, что Теадора окажется страстной от природы. Но даже если так, стыдливость поначалу наверняка возьмет верх и, вероятно, она будет сопротивляться. Сама мысль об этом возбуждала султана. Он не мог припомнить, когда в последний раз ему хоть кто-то оказывал сопротивление.

Большая двустворчатая дверь в покои султана распахнулась, и Орхан увидел в коридоре свою новую жену: ей помогли спуститься из паланкина, – а потом одобрительно наблюдал, как она грациозно движется к нему, скромно склонив голову. Вот она остановилась и опустилась на колени, чтобы пасть перед ним ниц в жесте смиренной покорности.

– Нет! – с удивлением услышал Орхан собственный голос. – Моя Теадора, ты рождена принцессой!

– Но ты мой муж и господин, мой хозяин, – ответила она тихим мелодичным голосом, коснувшись лбом его ступни.

Он поднял ее, сорвал с ее головы вуаль и бросил на пол, но глаза цвета аметиста под его взглядом не дрогнули.

– Моя юная жена, твои манеры безупречны, но твои прекрасные глаза говорят иное, нежели поза!

Теадора на мгновение прикусила нижнюю губу, показав белые зубы, и покраснела, как ей и полагалось, но взгляд остался твердым.

– Как ваше величество уже отметили, я рождена принцессой.

Султан искренне рассмеялся. А девчонка-то с характером! И, как ни странно, он не возражал. Она была как глоток холодного свежего воздуха в перегретой, чрезмерно пахнущей благовониями комнате.

Он приказал Али Яхии и другим рабам покинуть комнату, а когда все ушли, повернулся к жене.

– Моя Теадора, ты боишься?

Она кивнула.

– Немного, мой господин... после вчерашней ночи.

– Считай, что ее не было! – отрезал султан, рубанув рукой воздух. – Сегодня мы начинаем с чистого листа!

Воспоминание об изнасиловании деревянным фаллосом едва не привело Теадору в ярость, но она быстро справилась с собой и произнесла приятным голосом:

– Да, мой господин.

Султан повлек ее за собой на большой мягкий диван.

– Моя новобрачная, ты для меня неисследованный сад наслаждений. Для начала я постараюсь доставить наслаждение тебе. – Он стянул с нее короткое болеро, накрыл руками груди и прошептал, касаясь губами шелковистой кожи: – Твои груди как нераспустившиеся розы.

От его нежного прикосновения Теадору словно ударила молния. Она потрясенно ахнула и инстинктивно подняла руки, чтобы оттолкнуть его, но султан оказался проворнее: толкнув ее на подушки, стал покрывать обнаженные груди жаркими поцелуями. Его язык быстро скользил по крупным соскам, вызывая трепет во всем ее теле. Потом он сомкнул губы вокруг одного отвердевшего пика и стал жадно сосать.

– О, мой господин! – простионала Теадора.

К тому моменту, когда он наконец остановился, она была близка к обмороку.

– Тебе понравилось? – спросил Орхан. – Тебе понравилось то, что я с тобой делал?

Она не могла ответить. Султан принял ее молчание за девичью стыдливость, и это привело его в восторг. Теадора не могла ему сказать, что ей действительно понравилось, очень понравилось точно так же, как нравилось, когда то же самое с ней делал принц Мурад. И это сбilo ее с толку. Означает ли это, что она не была влюблена в принца? Что любовь – это нечто иное, а не те восхитительные ощущения, которые охватывали ее тело, когда Мурад прикасался к ней вот так? Она не понимала.

Но кое-что она уяснила: ей нравится чувствовать на своем теле руки мужчины, к тому же этот мужчина, в конце концов, ее муж. Так что же в этом плохого? Но когда султан обнял ее и опять принялся ласкать, она вспомнила прошлую ночь: вспомнила, как он бесстрастно приказал отдать ее драгоценную невинность бездушному куску полированного дерева, чтобы не тратить свое время. Сейчас он стал обращаться с ней иначе только потому, что в дело вмешался Али Яхия. Без его содействия ее снова привязали бы к кровати и покрыли, как кобылу.

Ее любимый Мурад никогда не причинял ей боль: прикасался к ней очень нежно, бережно – и хотел видеть ее своей женой, а она его – мужем, хотела доставлять ему удовольствие. Вот это была любовь! Пусть хрупкая, едва народившаяся, но любовь.

Султана она не любила, но его ласки ей нравились. И, помилуй Бог, это все, на что она может рассчитывать. От принцесс никто не ждет, что они будут получать от своих браков удовольствие.

Теадора вздохнула и отдалась ласкам султана. Когда она притянула его голову к своей груди и очаровательно попросила повторить ласку, Орхан пришел в восторг. Ее непосредственность очень его возбуждала, и он чувствовал, как стремительно нарастает желание. Ему пришлось собрать в кулак всю силу воли, чтобы помнить, насколько она в действительности неопытна. Неуклюже, словно зеленый юнец, он спустил вниз ее панталоны, чтобы она могла их сбросить, а пальцы уже нетерпеливо нащупали в ее влажных лепестках бугорок Венеры. Тяжело дыша, Орхан сорвал с себя халат и бросился на нее. Тепло ее тела наполнило его наслаждением на грани экстаза, и он развел ей ноги, царапая ногтями нежную кожу на внутренней стороне бедер. К изумлению Теадоры, султан едва не всхлипывал – так велико было его желание, так сильно нетерпение. Она его больше не боялась. Может, если закрыть глаза и представить на его месте Мурада...

Она соблазнительно двинула бедрами и хрипло прошептала:

– Целуй меня, мой господин! Целуй меня, муж.

Его не нужно было просить дважды. Губы его, к восторгу Теадоры, оказались крепкими и до странности знакомыми. Это был... о боже... рот Мурада! Султан поцеловал ее – глубоко, страстно. Сначала агрессором был он, а потом, к их взаимному удивлению, нападающей стороной стала она. Теадора позволила ему увлечь ее своим ртом в чисто физический мир чувственных наслаждений.

Она опять была во фруктовом саду монастыря Святой Екатерины, опять лежала в сильных объятиях принца. Это его рот, любимый и такой знакомый, завладел сейчас ее губами, это его руки скользили по ее гладкой коже. Ее юное тело по собственной воле пришло в движение, побуждаемое не опытом, а инстинктом.

Орхан, обезумев от желания, глубоко вонзился в ее податливое, ждущее тело. Для того чтобы разрядка не наступила в то же мгновение, ему потребовался весь его самоконтроль. Он сдержал себя и нежно повел молодую жену через лабиринт страсти, помогая ей найти дорогу. Вскоре она почувствовала, что не может больше это выносить. Поначалу Теадора сопротивлялась неведомой силе, увлекавшей ее все выше и выше, но потом эта сила подхватила ее и понесла, закружила в невероятно сладостном потоке, так что она едва не теряла сознание, и потому перестала бороться. Наконец, словно купаясь в тумане золотого света, она почувствовала, что рассыпается на тысячу мелких кусочков, вскрикнула от ужасного ощущения потери и услышала, как в унисон вскрикнул и султан.

Теадора неуверенно открыла глаза в полной тишине. Мужчина лежал на боку, опираясь на локоть, и смотрел на нее. Его темные глаза были полны восхищения, лицо освещала улыбка. На мгновение Теадора растерялась. Где Мурад? Кто этот старик? Потом к ней вернулось чувство реальности, и она чуть было не зарыдала в голос.

– Ты великолепна! – воскликнул султан. – Поразительно, что невинная девушка может так глубоко чувствовать и быть такой страстной! Аллах свидетель, я тебя обожаю, моя маленькая новобрачная! Те-адора! Те-адора! Кажется, я начинаю в тебя влюбляться!

Он заключил ее в объятия и принялся жадно целовать. Его руки не могли оставаться неподвижными: ласкали и мяли ее груди, ягодицы... и он стал быстро возбуждаться. И опять он искал ее теплоты, а она не могла ему отказать, так же как не могла отрицать и собственную страсть. Теадора ненавидела себя за это.

Позже султан вызвал слуг и приказал подать напитки.

– Моя малышка, я позабочусь, чтобы у тебя были лучшие учителя. Ты создана для любви. – Он отпил фруктового шербета и продолжил: – О, моя милая жена, как же ты мне нравишься! Должен признаться, я в восторге: не ожидал, что в тебе столько огня. Ты принадлежишь мне, моя обожаемая Теадора! Ты моя, только моя!

В его голосе так явственно слышалось эхо голоса Мурада, что Теадора поежилась. Он даже говорил почти теми же самыми словами.

Султан обнял ее свободной рукой и восторженно произнес:

– Я у твоих ног, моя прекрасная Адора! Ты моя, Адора!

Это слово, казалось, вырвалось у него случайно, но когда потрясенная Теадора посмотрела ему в глаза, его лицо выражало лишь обожание.

– Почему ты меня так называешь?

– Потому... – Султан наклонился и нежно коснулся губами ее груди. – Потому что ты прелестна.

К глазам подступили слезы, и Теадора быстро заморгала, стряхивая их. Какая ирония судьбы: сын – копия отца, даже язык любви у них один и тот же. Она попала, как птичка в силки, и никто ей не поможет, со вздохом подумала Теадора. Она жена султана и должна выбросить принца Мурада из головы, сосредоточившись на том, чтобы подарить мужу сына, а отцу – внука, который обеспечит Иоанну Кантакузину кровное родство с султаном Орханом.

Она Теадора Кантакузин, византийская принцесса, и непременно исполнит свой долг, а еще – жена султана, и знает свою судьбу.

Глава 6

Теадора тихо сидела у журчащего изразцового фонтана и шила. В искрящейся пузырьками воде гонялись друг за другом золотые рыбки с пышными хвостами. Вишня и миндаль стояли в цвету, на клумбах, обрамленных голубыми гиацинтами, всюду цвели белые и желтые тюльпаны.

Айрис, сидевшая рядом с ней, прошипела:

– Голубка и старая ворона идут сюда с ежедневным визитом.

– Тише! – мягко пожурила ее Теадора, но закусил губу, чтобы не рассмеяться.

– Добрый день, Теадора.

– Добрый день, Теадора.

– И вам обеим доброго дня, госпожа Анастасия и госпожа Нилуфер. Садитесь, прошу вас. Айрис, распорядись, чтобы принесли напитки.

Две старших жены устроились на мягких оттоманках. Нилуфер достала из широких рукавов туники вышивание. Анастасия, уставившись на большой живот Теадоры, заметила:

– Какой крупный ребенок! А ведь ходить тебе еще два месяца! Будет чудо, если ты в родах не порвешься на части.

Теадора так побледнела, что Нилуфер поспешила возразить:

– Какая чушь! Я была похожа на слона, когда носила Мурада, Сулеймана и Фатиму, но это все воды, потому что все они родились не крупнее обычного. – Похлопав Теадору по руке, она добавила: – Дитя мое, все идет хорошо. Я уверена, что у тебя родится красивый здоровый малыш.

Теадора с благодарностью посмотрела на мать Мурада, потом перевела ледяной взгляд на Анастасию и сказала ровным голосом:

– Я совершенно спокойна – и за себя, и за моего сына.

В это время вернулась Айрис с подносом. Всего разговора она не слышала, но и того, что успела услышать, оказалось достаточно, чтобы рассердиться. Разливая напитки, она якобы случайно споткнулась, кувшин на подносе накренился, и его содержимое пролилось на подол платья Анастасии. Холодная липкая жидкость просочилась сквозь роскошное одеяние первой жены султана, та вскочила и завизжала:

– Неуклюжая дура! Ты сделала это нарочно! Я прикажу тебя выпороть!

– Вы не сделаете ничего подобного, – холодно возразила Теадора. – Во-первых, рабыня моя, а во-вторых, это вышло случайно. Айрис, попроси прощения у госпожи Анастасии.

Айрис опустила на колени и склонила голову.

– О да, моя госпожа, я прошу прощения!

– Ну вот, – удовлетворенно кивнула Теадора, так словно это все решило, затем позвала других рабынь. – Девушки, поспешите, не то платье госпожи Анастасии будет совсем испорчено.

Она подняла взгляд на Нилуфер и увидела в ее глазах не только едва сдерживаемое веселье, но и восхищение. Если во дворце и был кто-то, кроме Айрис, кого Теадора могла считать своим другом, то это вторая жена султана. Как только Нилуфер встретила с византийской принцессой во плоти, ее мнение о девушке сразу же в корне изменилось. Теадора словно заменила ей родную любимую дочь, которая вышла замуж за самаркандского принца и теперь жила так далеко, что вряд ли они еще когда-нибудь с ней встретятся. Если бы не доброта Нилуфер, у Теадоры вполне мог бы случиться выкидыш, потому что Анастасия всячески пыталась ее поддеть, напугать, словно получала от этого извращенное удовольствие.

Рабыни губками собрали с платья Анастасии липкий шербет, смыли его следы холодной водой и растянули подол платья на ее ногах, чтобы ткань высохла. И так случилось, что именно в этот момент султан Орхан с двумя любимыми сыновьями пришел проведать Теадору. Теперь, когда Теадоре не нужно было утолять ненасытный любовный аппетит султана, она стала относиться к нему дружелюбно. Первые четыре месяца он проводил с ней пять ночей в неделю, а две оставшихся он, согласно законам Корана, посвящал другим женам. За эти месяцы образование Теадоры значительно повысилось. Орхан, как и обещал, прислал к ней лучших наставников, какие только были в его гареме. Эти устрашающего вида дамы столько рассказывали ей об искусстве любви и демонстрировали на практике, что Теадора уже думала, ее больше ничто не способно шокировать или хотя бы удивить, однако муж, воздав должное ее новым умениям, научил ее такому, о чем наставницы даже не заикались, и Теадора обнаружила, что все еще способна краснеть.

Когда султан с сыновьями шел к дамам через сад, сердце Теадоры едва не выскочило из груди: по левую руку от отца шел Мурад. Она не видела его с их последней ночи в саду монастыря Святой Екатерины. Мурад смотрел не на нее, а на мать, но Теадоре казалось, что это ему дается ценой значительных усилий. Нилуфер, увидев обоих сыновей, с радостным возгласом встала им навстречу и открыла свои объятия.

По правую руку от султана шел его наследник, принц Сулейман. С тех пор как вошла в дом Орхана, Теадора часто встречала этого молодого человека в разных ситуациях. Это был высокий красивый мужчина с темными волосами, оливковой, как у отца, кожей и такими же глазами, как у брата. В отличие от остальных членов семьи он был открыт, жизнерадостен и обаятелен. К третьей жене своего отца он относился так, как если бы она была его любимой младшей сестрой.

Все трое подошли к женщинам, Мурад наклонился поцеловать мать, Орхан обнял Теадору, потом повернулся к Мураду и произнес:

– Сын мой, подойди и познакомься с моей дорогой Адорой. Ну разве она не прелесть? То, что нужно, чтобы согреть старика в холодную ночь! – Он усмехнулся и нежно погладил Теадору по животу. – Однако я не так уж стар, раз все еще способен посадить хорошее семя в плодородную почву.

– Ты счастливчик, отец, – напряженно ответил Мурад и слегка поклонился Теадоре, а когда выпрямился и их взгляды встретились, она прочла в его взгляде холодное презрение. – Принцесса, вы так уверены, что мой отец подарил вам именно сына?

В его голосе слышалась насмешка, и на мгновение Теадора почувствовала дурноту, словно перед обмороком, но, глубоко вздохнув и успокоившись, с гордо поднятой головой проговорила:

– Женщины рода Кантакузин, принц Мурад, всегда рожали своим мужьям сильных сыновей.

Уголки его рта тронула презрительная полуулыбка:

– С нетерпением буду ждать рождения моего единокровного брата, принцесса.

Нилуфер недоуменно посмотрела на младшего сына: откуда такая неприязнь к Теадоре, этой милой девушке?

Позже, вернувшись мыслями к этому инциденту, Теадора так рассердилась, что, давая выход гневу, в ярости разбила несколько тарелок. Рабыни, тщательно отобранные ею самой на невольничьих рынках Бурсы и воспитанные Айрис в преданности и верности, очень удивились этой вспышке. Теадора не понимала, почему Мурад был так жесток. Ей что, нужно было покончить с собой из-за того, что его отец внезапно вспомнил о ее существовании? Может, он думает, она счастлива проводить часы с Орханом, утоляя его похоть? Теадора глубоко вздохнула и после некоторых раздумий пришла к заключению, что все мужчины недалёковидные эгоистичные существа.

Когда родится сын, она собиралась посвятить свои силы ему одному. Теадора надеялась, что муж оставит ее в покое. Недавно она вместе с Айрис снова побывала на невольничьем рынке и выбрала самых красивых девственниц, каких только нашла, обучила их всему, что знала сама, и презентовала своему мужу. Теадора надеялась, что если ей удастся направить его интерес на других женщин, то избавится от него. Ее пробирала дрожь при одной мысли, что он снова будет к ней прикасаться. Те часы, которые провела с Орханом, ей удалось перенести только потому, что она представляла на его месте Мурада, но теперь и это стало невозможным, потому что принц ее презирает.

Отпустив рабынь и оставшись одна, Теадора легла в постель и дала волю слезам, уткнувшись в подушку, чтобы даже ее дорогая добрая Айрис ничего не заподозрила.

Ребенок у нее в животе заволновался, и Теадора, положив руки на то место, где толчки чувствовались сильнее, с любовью пожурила его:

– Халил, уже поздно, тебе давно пора спать. Или ты будешь таким же озорным шумным мальчишкой, как мой брат Матфей и тебя не уложить, разве что сам рухнешь от усталости, да там и уснешь, на месте?

Вспомнив брата, Теадора улыбнулась. Матфей был единственным мальчишкой, с которым она общалась: несколько лет они провели вместе. Особое положение лишило ее даже детства.

Теадора улыбнулась и вытерла слезы. Пусть малыш еще не родился, но она точно знала, что это мальчик, хотя не понимала откуда. Она была в этом так уверена, как если бы уже держала его на руках. Султан сказал, что ребенок будет носить имя Халил – в честь великого турецкого генерала, который одержал победу над Византией. Теадора уже привыкла к этому имени, и ее немного забавляло, что ее муж таким образом хотел задеть ее отца.

В отличие от многих королевских детей у Халила будет детство – Теадора твердо себе это пообещала. Он должен играть с другими мальчиками его возраста, учиться стрелять из лука и пользоваться ятаганом, но что важнее всего, она собиралась сама его растить, а не поручать воспитание рабам. Хоть мальчик и будет оттоманским принцем, у него очень мало шансов когда-нибудь стать правителем, поскольку у него есть два старших брата. И еще она не допустит, чтобы его забрали во дворец, где процветает разврат.

Мысли о ребенке подействовали на Теадору успокаивающе, но и они не могли стереть из памяти полный презрения взгляд Мурада. Как же он ее ненавидит! По лицу опять потекли слезы. Никогда, никогда он не узнает, как часто она вспоминала драгоценные минуты, проведенные с ним; не узнает, что всякий раз, когда ее целовал Орхан, она представляла его, Мурада. Эти воспоминания помогли ей выжить, все вытерпеть и сохранить рассудок. Какое же он имеет право ее осуждать?

Два месяца спустя, жарким июньским утром, младшая жена султана Орхана легко родила здорового мальчика, а месяцем позже султану была выплачена золотом оставшаяся часть приданого принцессы и туркам передана стратегически важную крепость Цимпа.

Султан был в восторге от маленького Халила и часто приходил его навестить, однако желание обладать Теадорой за месяцы ее беременности прошло. Кроме того, во дворце было так много красивых женщин, которые выполняли все его прихоти и охотно делили с ним постель. Теперь Теадоре не угрожали его притязания, и она наконец вздохнула с облегчением.

Часть II

Бурса

1357–1359

Глава 7

– Али Яхия, я всегда поощряла Халила заниматься разными видами спорта! – в гневе воскликнула Теадора. – Но и предостерегала! Я предупреждала этого бестолкового раба – он у меня получит десять плетей за то, что ослушался, – обоим говорила, что рано еще мальчику садиться на коня, которого ему подарил принц Сулейман! Халилу всего шесть лет! Он мог разбиться насмерть!

– Моя госпожа, – возразил евнух, – он внук Османа и сын Орхана. Еще удивительно, как он не родился со шпорами на своих крошечных пяточках.

Теадора невольно улыбнулась, но вмиг посерьезнела и сказала:

– Али Яхия, это вовсе не смешно. Доктора говорят, что из-за падения Халил может навсегда остаться хромым. Нога плохо заживает и теперь кажется немного короче другой.

Али Яхия вздохнул.

– Принцесса, возможно, оно и к лучшему. Теперь, когда у вашего сына есть физический недостаток, его будут считать негодным к управлению страной.

Теадору так ошеломили эти слова, что евнуху пришлось пояснить:

– Моя принцесса, вы ведь живете в этом дворце, а значит, не можете не понимать, что, едва заняв трон, новый султан прежде всего избавится от соперников. Как правило – это его братья, но по нашим законам человек с физическим уродством или дефектом не может наследовать престол. Так что благодарите судьбу – теперь вашему сыну ничто не угрожает и он проживет долгую жизнь. Как вы думаете, почему у принца Мурада нет детей? Потому что он сам, и ему известно: и его сыновья могут лишиться жизни, когда престол унаследует принц Сулейман.

Чтобы Сулейман убил ее маленького Халила? Это невозможно! Он обожает младшего сводного брата, постоянно балует. Но, вдруг вспомнила Теадора, Сулейман мог быть и другим: ей доводилось видеть его ледяной взгляд и слышать командные нотки в голосе, – и тогда ему все немедленно повиновались. Помнила она и другое: когда-то давно, еще до того как вышла замуж, отец однажды сказал, что из турок получают отличные наемники, потому что им нравится убивать, они лишены милосердия и жалости.

Теадора поежилась. Все-таки Бог о ней заботится. Когда-нибудь она станет вдовой султана – самое что ни на есть незавидное положение, – у нее не останется никого кроме Халила, и теперь он, благодарение Господу, ни для кого не представляет угрозы.

Ее отец Иоанн Кантакузин был низложен три года назад, но, в отличие от многих византийских императоров, которые вместе с тронном лишились и жизни, ушел на покой и удалился в монастырь в Мистре, недалеко от Спарты. Еще раньше монашеские обеты принес ее брат Матфей, и теперь они с отцом были в одной обители. Старшая сводная сестра Теадоры, София, умерла не своей смертью – третий муж застал ее с любовником и заколол обоих насмерть. Елена, ставшая теперь полноправной императрицей Византии, вела себя так, словно Теадоры вообще не существовало. Хоть они и сестры, третья жена султана вряд ли могла считаться равной по положению христианской императрице Византии.

Презрение сестры причиняло Теадоре боль. Поскольку Орхану уже почти семьдесят, она попыталась обсудить с Еленой возможность ее возвращения в Константинополь, когда султан

отойдет в мир иной, но получила категорический, в грубой форме, отказ. Елена заявила, что в Константинополе не примут с распростертыми объятиями дочь узурпатора Иоанна Кантакузина, и добавила: то же самое относится и к вдове Орхана. Неверные – самые страшные враги Византии. Елена вроде бы запаматовала, что она тоже дочь Иоанна Кантакузина, и предпочла упустить из виду то обстоятельство, что, если бы ее младшую сестру не выдали за турецкого султана, их отец вряд ли продержался бы на троне столько, сколько было необходимо, чтобы обеспечить ей возможность стать женой Иоанна Палеолога. Впрочем, Елена большим умом не отличалась и не задумывалась о том, что Византийская империя, некогда обширная, съезжилась и теперь включала лишь небольшую территорию материковой Греции, несколько городов на побережье Черного моря и Константинополь, а также не видела, что драгоценности, украшавшие ее церемониальные одежды и корону, были фальшивыми. Да и все остальное во дворце представляло собой сплошь бутафорию: вместо золота мишура. Медь на императорском столе вместо серебра, а все, что выглядело богатой парчой, на деле было лишь раскрашенной кожей. Елене даже в голову не приходило, что быть императрицей Византии – это почти то же самое, что править в пустой яичной скорлупе. Теадора же все это видела, и хотя не думала, что турки могут завоевать Константинополь еще при ее жизни, знала, что в конце концов это произойдет и Византия будет покорена. Теадора всегда тосковала по городу, в котором родилась, к тому же была уверена, что после смерти Орхана ей не будет места в Бурсе, при дворе Сулеймана.

Мысли вернулись к Мураду. У него до сих пор не было ни жены, ни фавориток. Порой Теадора спрашивала себя, думает ли он о ней хоть когда-нибудь. Он редко бывал в Бурсе и большую часть времени проводил в Галлиполи.

Вспомнив, как Орхан ловко обвел ее отца вокруг пальца с Галлиполи, Теадора усмехнулась. С рождением Халила султану выплатили оставшуюся часть ее приданого, а также отдали крепость Цимпа, и занять ее были посланы принцы Сулейман и Мурад. Крепость располагалась на европейской стороне Дарданелл, на полуострове Галлиполи. Когда случилось небольшое землетрясение, старые стены близлежащего города Галлиполи рухнули, и турки его быстро заняли. Их следующей задачей было отстроить заново и укрепить городские стены. Как только это было сделано, принцы Оттоманской империи привезли из Азии первую партию турецких поселенцев и основали колонию. Вскоре за ней последовали в колонию и другие поселенцы, в основном бывшие воины Орхана и их женщины, и обосновались под властью своих собственных беев на землях сбежавших дворян-христиан. Местные же крестьяне предпочли остаться, согласившись жить под властью Оттоманской империи. Приход турок означал для них освобождение от власти христианских феодалов с их притеснениями и непомерными налогами, а кроме того, равенство всех перед законом независимо от расы, религии или класса. По мере того как распространялись турецкая оккупация, даже христианские лорды, чьи земли граничили с новой территорией Оттоманской империи, стали признавать верховную власть Орхана. Став его вассалами, они платили как знак подчинения исламу ему небольшую ежегодную дань. Сами же турки изначально заняли по отношению к христианам, своим подданным, примирительную позицию.

Когда в Константинополе император Иоанн Кантакузин наконец уяснил суть происходящего, то, с обидой на коварство турок, обратился к зятю. Орхан предложил ему – выкупить Цимпу за десять тысяч дукатов, прекрасно зная, что при желании в любой момент сможет забрать ее обратно, но возвращать Галлиполи не собирался, заявив, что никаких усилий не прилагал: город пал перед ним сам по воле Бога, проявившейся землетрясением.

Вот так ловко Орхан перехитрил ее отца, приблизив его падение.

Теперь, когда отец и брат оказались в изгнании, Теадоре больше не к кому было обратиться, и она боялась за будущее сына. Неожиданно ее проблему решил принц Сулейман.

Когда ему доложили о травме Халила, он нанес третьей жене отца визит, чтобы извиниться за опасный подарок, который преподнес своему юному родственнику. Теадора приняла его извинения и добавила:

– Не было бы счастья, да несчастье помогло: теперь мой сын не представляет для тебя угрозы.

– Что верно, то верно, принцесса, – ответил откровенно принц. – Но теперь нам надо серьезно подумать над его будущим. Он очень умный парнишка и может быть мне весьма полезен.

– Я думала когда-нибудь вернуться вместе с Халилом в Константинополь, – осторожно сказала Теадора, решив, что Сулейману вовсе не обязательно знать, что дорога туда ей скорее всего закрыта.

– Но это совершенно ни к чему! Конечно, если тебе здесь очень плохо, я не стану удерживать вас насильно, но ты теперь турчанка, Адора, и мы тобой гордимся.

– Сулейман, при твоём дворе для меня может не найтись места.

– Я найду тебе место, – заверил ее принц почему-то хриплым голосом.

Теадора подняла удивленный взгляд и успела заметить у него в глазах проблеск желания, прежде чем его лицо опять приняло непроницаемое выражение. Совершенно растерявшись, она поспешно опустила глаза, чтобы принц не заметил ее смятения. Забавно: похоже, она прямо-таки притягивает мужчин королевской оттоманской семьи.

– Принц Сулейман, ты так добр, что предлагаешь мне кров. Теперь я могу быть спокойна за будущее сына.

Сулейман вежливо поклонился и ушел. Теадора мысленно усмехнулась: что ж, будущее Халила обеспечено, но как насчет ее самой? Ее встревожило, что принц Сулейман ее желает, хотя она никогда его не поощряла и предпочла бы, чтобы он относился к ней как к сестре.

Из задумчивости Теадору вывел голос Айрис:

– Моя госпожа, посмотритесь в зеркало, и там найдете ответ на свой невысказанный вопрос.

– Ты подслушивала! – возмутилась Теадора.

– Если бы не подслушивала, то ничего бы и не знала. И как бы я тогда могла вас защитить?

Из вас же, моя принцесса, слова не вытянешь.

Теадора рассмеялась:

– Ах ты, неисправимая старая шпионка! Ладно, дай мне зеркало.

Впервые за много лет Теадора внимательно всмотрелась в собственное лицо и с некоторым удивлением увидела, что из зеркала на нее смотрит очень даже симпатичная молодая особа. Лицо в форме сердечка, с прямым носиком, украшали большие глаза цвета аметиста, опущенные густыми темными ресницами с выгоревшими на солнце золотистыми кончиками, и четко очерченный рот с пухлой нижней губой.

Теадора положила зеркало на диван и подошла к другому, высокому, напольному, из прекрасного венецианского стекла, вставленного в украшенную богатой резьбой позолоченную деревянную раму. Критически оглядев себя, она отметила, что рост ее выше среднего, фигура сохранила стройность, грудь высокая, кожа цвета сливок, выглядит безупречно.

«Неужели это действительно я?» – удивилась Теадора, пристально всмотревшись в свое отражение.

Она от природы не была тщеславной, и поскольку меньше всего на свете хотела привлекать внимание Орхана, то никогда особенно не заботилась о своей внешности.

– А ведь я красивая, – тихо сказала Теадора, рассеянно проводя рукой по своим темным волосам.

– Да, принцесса, вы красавица, и это ведь еще не самый расцвет! – подтвердила Айрис. – И, понизив голос, добавила: – Если принц Сулейман вас желает, то, возможно, когда вы овдовеете, возьмет в жены. Тогда за ваше будущее можно не волноваться.

– У меня нет никакого желания выходить за него замуж! – возразила Теадора так же тихо. – Кроме того, у него уже есть четыре жены, взять пятую он не может, а становиться наложницей я не собираюсь!

– Пф-ф! Он запросто может развестись, потому что его жены всего лишь невольницы, а вы – принцесса. – Айрис лукаво посмотрела на свою госпожу, и глаза ее вспыхнули. – И не говорите, что вы не мечтаете о любви и ласках молодого мужчины. Вы по полночи расхаживаете по своей комнате. От этой нервозности легко избавиться – достаточно провести несколько ночей с крепким мужчиной.

– Айрис, какая ты дерзкая! Поосторожнее, а не то я прикажу тебя выпороть!

«Черт бы ее побрал! Слишком уж наблюдательна!»

В это время в комнату влетел Халил и выпалил:

– Мама, смотри, я снова могу ходить без костылей!

Мальчик подбежал и бросился в ее объятия, а Теадора едва не расплакалась при виде его хромоты. Правая нога ребенка была неестественно вывернута внутрь.

– Я очень тобой горжусь!

Она чмокнула сынишку в лоб, но ребенок состроил гримасу и высвободился из объятий.

– Нехороший мальчик! – шутливо пожурела его Теадора и снова притянула к себе. – Скажи, Халил, ножка все еще болит?

– Да, немного, – быстро проговорил мальчик и опустил глаза.

Мать поняла, что нога, должно быть, болит очень сильно, просто ребенок не хочет ее расстраивать, и, повинувшись мгновенному импульсу, спросила:

– Сынок, хочешь отправимся путешествовать по морю?

– Куда, мама?

– В Фессалию. Там есть древние горячие источники, которые могут облегчить боль в твоей ноге.

– А ты поедешь со мной?

– Поеду, если твой отец разрешит.

Только сейчас Теадора подумала: и почему эта мысль не приходила ей в голову раньше?

Мальчик неловко поднялся и потянул ее за руку.

– Давай поедем прямо сейчас.

Теадора поначалу рассмеялась над его детской непосредственностью, но потом подумала: «А почему бы и нет?» Решив не откладывать дело в долгий ящик, они отправились из гарема в общую часть: Халил впереди, за ним Теадора, а за ней – задыхающиеся от быстрой ходьбы евнухи. Миновав множество извилистых коридоров, они дошли наконец до дверей покоев султана, и мальчик приказал янычару:

– Скажи моему отцу султану, что принц Халил и его мать, принцесса Теадора, срочно просят у него аудиенции.

Янычар вернулся через несколько секунд, распахнул одну створку большой дубовой двери и объявил:

– Ваше высочество, султан готов принять вас обоих.

Теадора с сыном прошла в роскошно убранную комнату, где на груде подушек, скрестив ноги, сидел Орхан. Слева от него расположились несколько девушек со струнными инструментами. Рядом с султаном полулежала его нынешняя фаворитка, темноволосая итальянская красавица с капризно надутыми губами. Теадора с сыном подошла к помосту, но когда хотела уже опуститься на колени, Халил удержал ее и сердито посмотрел на наложницу отца.

– На землю, женщина! Моя мать преклоняет колени только перед моим отцом и своим Богом!

Девушка проявила безрассудство и вопросительно посмотрела на султана, и тут мальчик накинулся на нее, рыча от гнева, стащил с подушек на пол и закричал: – Наглая! Ты напрашиваешься на наказание!

Комнату тотчас наполнил хохот Орхана.

– Моя дорогая Адора, ты подарила мне настоящего оттомана! Халил, сын мой, будь с этой девушкой помягче. Такая рабыня, как она, весьма ценное приобретение. – Он перевел взгляд на женщину у своих ног. – Пакиза, оставь меня. За дурные манеры ты получишь десять плетей. С моими женами следует обращаться с должным уважением.

Девушка поднялась на ноги и, низко склонившись, попятилась из комнаты.

Теперь Теадора почтительно преклонила колени перед мужем, а Халил красиво поклонился отцу.

– Садитесь рядом, – приказал Орхан, – и расскажите, что привело вас сегодня ко мне.

– Я хочу свозить Халила в Фессалию на источники Аполлона возле горы Осса, – устроившись рядом с мужем, произнесла Теадора. – Тамешние воды славятся целебными свойствами, а я знаю, что у Халила очень сильно болит нога, хотя он мне и не признается. Его ступня никогда уже не будет нормальной, но воды по крайней мере могут облегчить боль.

– И ты хочешь поехать с ним? – спросил султан.

– Да, мой господин, хочу. Он еще маленький, ему нужна мать. Я знаю, мой господин, что ты меня ценишь, но ты во мне не нуждаешься, а Халил нуждается. Кроме того, я бы не доверила нашего сына рабам в таком долгом путешествии.

Султан кивнул.

– Ты не увезешь его в Константинополь?

– Никогда!

Орхан насмешливо вскинул бровь.

– Ну-ну, сколько страсти. Почему?

Теадора ответила не сразу, но все же, немного поколебавшись, сказала:

– Я спрашивала сестру, можно ли мне... в будущем поселиться в Константинополе вместе с Халилом, и она ясно дала понять, что никого из нас видеть в городе не хотят. Она глупа и высокомерна, но с ней приходится считаться.

Султан обо всем этом, конечно, знал, поскольку ни одно письмо от сестры не проходило мимо его зорких глаз. Теадора, конечно, об этом не догадывалась, а если бы узнала, то наверняка рассердилась бы. Орхан знал ее лучше, чем она думала, и восхищался силой ее характера, хотя ни за что бы в этом не признался, так как считал, что это проявление слабости. А к этой гордой женщине он относился с искренней теплотой и давно понял, что сестра очень сильно ее обидела.

– Дорогая, я даю тебе свое разрешение везти Халила к источникам Аполлона... Али Яхия организует ваше путешествие. – Орхан повернулся к мальчику. – Халил, будешь заботиться о матери и защищать ее от неверных?

– Да, отец! У меня есть новый ятаган с лезвием из толедской стали – мне прислал его брат Мурад из Галлиполи.

Орхан улыбнулся ребенку и погладил по темноволосой голове.

– Халил, сынок, я поручаю тебе как следует ее охранять, она мне очень дорога.

Султан хлопнул в ладоши, приказывая подать напитки и сладости. Пока мальчик с удовольствием уплетал медовое печенье с кунжутом, супруги беседовали. К удивлению Теадоры, султан обращался с ней не как с предметом, предназначенным исключительно для плотских утех, а, скорее, как с любимой дочерью. И теперь ей стало общаться с ним гораздо комфортнее. Султан поделился с ней своими планами в скором времени перенести столицу в Адрианополь,

город на европейском берегу Мраморного моря, который сейчас держал в осаде. Приданое Теодоры дало Орхану необходимую точку опоры в Европе.

– После того как возьмешь город, Адрианополь станет твоим?

– Да. А тебе возможно, моя дорогая, все-таки придется удалиться на покой и вернуться в Константинополь.

Теодора рассмеялась.

– О, мой господин Орхан, живи тысячу лет! Я еще слишком молода, чтобы удалиться на покой.

Орхан усмехнулся.

– Слишком молода – это верно, и слишком красива. Вне всякого сомнения, ты украшение моего дома.

Увидев, что в глазах Теодоры промелькнула тревога, он мягко отослал ее с сыном.

Оставшись в одиночестве, Орхан в который уже раз спросил себя, почему Теодоре не нравится заниматься с ним любовью. Она не знала другого мужчины – в этом можно было не сомневаться. К нему она пришла девственницей. Возбужденная, она становилась невероятно страстной, но Орхан не мог избавиться от ощущения, что она не с ним, а с каким-то призрачным любовником. Он мог бы заподозрить, что у нее был другой мужчина, но при том замкнутом образе жизни, какой она вела в монастыре, это не представлялось возможным. Эта загадка волновала его все годы, что она делила с ним кров. Орхан знал, что Теодора не испытывает к нему неприязни, – восторга, впрочем, тоже. Султан пожал плечами: что ж, пусть так. В его гареме множество юных красавиц, всегда готовых его ублажить. И все же ему не давала покоя эта византийская принцесса.

Глава 8

Небо весь день было ясным, без единого облачка, ярко светило солнце. Капитан смотрел с кормы на закат и хмурился: даже сейчас все было как-то слишком – краски яркими, небо – ясным. Когда оранжевое солнце спускалось за лиловые горы Пинд, вдруг что-то коротко вспыхнуло изумрудно-зеленым цветом, а следом на горизонте появилась полоса приглушенного лавандового оттенка. Капитан кивнул, словно происходящее подтверждало его догадки, и стал отдавать отрывистые приказы. Ему уже доводилось видеть такое небо: перед страшным штормом.

Оставалось молить Аллаха, чтобы на сей раз он ошибался. Они отошли слишком далеко от берега, чтобы вернуться. Если бы речь шла только о судне, команде и грузе, он бы даже думать не стал о возвращении, но на борту находилась жена султана, принцесса Теодора, и их сын, принц Халил. Несколько месяцев назад он доставил их в Фессалию, а теперь вот они возвращаются обратно.

Впереди, по курсу корабля, на потемневшем небе не было ни одной звезды. За судном закатное небо стало похоже на пламя, выбивавшееся из пепла. Весь день дул свежий ветер, теперь же он усилился, временами с севера и запада налетал порывами. Капитан Хасан вызвал старшего помощника.

– Проследи, чтобы всех рабов на веслах накормили горячей едой и прикажи надсмотрщику, чтобы разомкнул их цепи. Если мы пойдем ко дну, я не хочу, чтобы их души были на моей совести.

Старший помощник кивнул.

– Думаете, сэр, опасность так велика?

– Может быть, я нервничаю больше, чем следует, потому что у меня на борту жена и сын султана, но в последний раз такое же небо, как сегодня, я видел перед сильнейшим штормом.

– Да, капитан.

Помощник ушел исполнять приказ, а капитан Хасан спустился с мостика и отправился в каюту высокородных пассажиров. На его стук в дверь откликнулась Айрис и впустила. Принцесса с сыном сидели напротив друг друга за небольшим столиком и во что-то играли. Капитан остановился на почтительном расстоянии в ожидании, когда принцесса даст разрешение заговорить.

Теадора подняла взгляд и улыбнулась.

– Капитан?

– Ваше высочество, похоже, надвигается шторм. Я бы предпочел, чтобы вы и ваши спутники сегодня ночью оставались в своих каютах, – так безопаснее. Если вам нужна горячая еда, пожалуйста, поторопитесь: коку дан приказ погасить огонь и закрыть камбуз, как только начнется буря.

– Капитан, вы будете держать нас в курсе происходящего?

– Непременно, ваше высочество! Ваша безопасность для нас важнее всего.

Теадора кивнула, давая понять капитану, что он может идти. Поклонившись, Хасан вышел и стремительно направился на мостик, по пути проверяя, надежно ли привязаны канаты и крепко ли задраены люки. Проходя мимо камбуза, он решил перекусить, пока еще есть возможность. Кок без лишних церемоний поставил перед капитаном миску с горячим пряным рыбным рагу и положил ломоть хлеба, и Хасан стал быстро есть, макая хлеб в подливку. Закончив, он повернулся к коку.

– Юсеф, у тебя есть все необходимое, чтобы кормить людей?

– Да, капитан. Хлеба много – испек сегодня утром. Хватит и сушеной рыбы, говядины, фруктов. А кофе можно готовить на спиртовке.

Внезапно корабль сильно накренился, и началась килевая качка. Юсеф бросился гасить огонь в печи, а капитан поднялся из-за стола и мрачно заметил:

– Ну вот, друг мой, начинается. Судя по всему, нас изрядно помотает.

Теадора, Халил и сопровождающие ужинали, когда начался шторм, а корабль накренился. Бросившись к маленькому выступающему оконцу, попыталась разглядеть, что там, снаружи. Сквозь пелену дождя и полумрак было видно, что в небе еще догорали отсветы красного заката, а черноту моря разбавляла лишь белая пена на гребнях волн. Теадора поежилась от мрачного предчувствия опасности, однако постаралась не показать, что испугана, как можно беспечнее сказала сыну:

– Думаю, сегодня нам лучше лечь спать пораньше: время устанавливать телескоп, который прислал тебе отец, сегодня неподходящее, – на небе нет ни одной звезды.

– Ах, мама, можно мне посмотреть шторм?

– А ты не боишься?

– Напротив: мне интересно! Жалко только, что капитан сейчас не разрешает выходить на палубу.

– Даже если бы разрешил он, не позволю я!

– Ой, мама, да ты трусиха!

Теадора засмеялась, но в душе порадовалась, что сынишка такой храбрый.

– Так и быть: можешь не ложиться.

Довольный, мальчик устроился возле окошка, прижавшись лбом к маленьким прямоугольным стеклам. Теадора уселась потихоньку в уголочке и взялась за вышивание. Рабы убрали остатки ужина и ушли в отведенные им каюты. Айрис на всякий случай прикрутила фитили в лампах, пугающе раскачивавшихся на цепях. Через некоторое время Теадора перевела взгляд на Халила и, увидев, что мальчик уснул, кивнула Айрис. Служанка подхватила ребенка на руки и уложила в кровать, заметив:

– Только невинное дитя может спать в такой шторм.

Плюхнувшись на постель своей госпожи, Айрис спокойно добавила:

– Мне очень страшно, но если уж суждено пойти на корм рыбам, то так тому и быть.

И принялась чинить шелковую рубашку принца. Теодора молча продолжала вышивать. Осознание, что Айрис так же страшно, как ей самой, нисколько не успокаивало, но она вспомнила слова покойной матери о различии между господами и рабами и призвала на помощь все запасы выдержки, которую унаследовала от предков. Она Теодора Кантакузин, византийская принцесса и жена султана, а значит, должна быть сильной – ради сына и ради этих рабов: ведь они не просто ее собственность, она за них в ответе.

Корабль дал мощный крен и Теодора, инстинктивно вскочив, посмотрела в небольшое оконце. На одно ужасающее мгновение у нее возникло ощущение, что остановилось сердце: за окном была сплошь вода, словно корабль уже затонул, – но тут, словно пробка из бутылки, он взлетел вверх на белом пенном гребне волны. Теодора с облегчением выдохнула и тут только почувствовала боль. Взглянув на руки, она увидела кровь и поняла, что уколола палец иглой. Красная капелька упала на белый лен, и фыркнув от досады, Теодора взяла кувшин, плеснула немного воды на пятно и попыталась его оттереть. Наконец ей это удалось, и как только кровь была смыта, боль вернулась.

Лизнув пораненный палец, Теодора обнаружила, что ее колотит дрожь, и вдруг поняла, что страшно боится. Ей всего двадцать лет, и за исключением нескольких коротких часов с принцем Мурадом в монастырском саду, в сущности, никогда не знала счастья. А сын? Он прожил всего семь лет.

Корабль нещадно швыряло по волнам, Айрис стонала, ее лицо приняло зеленоватый оттенок. Теодора вовремя успела подставить ей таз, и служанку вывернуло наизнанку. Когда ее перестало рвать, Теодора поспешила вынести таз из каюты, прекрасно сознавая, что нарушает приказ капитана. Однако не сидеть же до конца шторма в закрытой каюте, вдыхая вонь. Могло опять затошнить Айрис, да и ее собственный желудок вряд ли бы выдержал.

Прижимаясь к стенам, она кое-как добралась до выхода, размахнулась, швырнула таз в темноту и с изумлением увидела, как неистовый ветер подхватил посудину и та на мгновение зависла в воздухе, словно раздумывая, падать или нет, а через несколько мгновений погрузилась в бурлящую воду. Происходящее буквально заворожило Теодору, страх на время прошел, и она даже рассмеялась, очарованная красотой и яростью моря.

Вернувшись в каюту, Теодора увидела, что бедная Айрис уснула на своей узкой койке, и опять взялась за вышивание. Так прошло несколько часов, пока она вдруг не поняла, что больше не ощущает качки, – море успокоилось. Она встала и потянулась, растягивая затекшие руки и ноги, и в этот момент в каюту постучали. Теодора открыла дверь.

– Ваше высочество, у вас все в порядке? – спросил капитан Хасан, выглядевший очень усталым.

– Да, у нас все в порядке.

– Я пришел предупредить, что расслабляться рано: шторм еще не прекратился.

– Но море спокойное, как пруд.

– Да, миледи, сейчас спокойное. Это состояние называется «глаз урагана» – спокойная середина среди бушующего моря. Когда мы достигнем противоположной стороны этого спокойного места... спаси нас Аллах. Так что, пожалуйста, по-прежнему оставайтесь в каюте.

– Как долго сохранится это спокойствие?

– Возможно, с полчаса.

– В таком случае, капитан, я с вашего разрешения ненадолго поднимусь на палубу. Мой сын и слуги спят, но я, честно говоря, не нахожу покоя.

– Конечно, ваше высочество. Я сам вас провожу.

Теодора тихо закрыла за собой дверь, оперлась на руку капитана, и они вышли наружу, на мокрую палубу. неподвижный сырой воздух казался тяжелым, небо над ними и море вокруг были совершенно черными, и казалось, что они вплывали в чернильницу. Капитан взмахнул

рукой, обращая внимание Теодоры на странный слабый свет, где на некотором расстоянии от корабля, прямо по курсу, белела пена.

– Видите, море бурлит? Там другая сторона урагана, ваше высочество. Нам его не избежать.

– Величественное зрелище, капитан. Как вы думаете, корабль выдержит?

Хасан пожал плечами и ответил как фаталист:

– На все воля Аллаха.

Они постояли возле поручней еще несколько минут, но Теодора почувствовала нервозность капитана и сказала:

– Пожалуй, мне пора.

Вернувшись в каюту, она подошла к сыну и поцеловала его в лоб, но мальчик спал так крепко, что даже не шелохнулся. Айрис тоже спала и тихонько похрапывала, лежа на спине. «Так-то оно лучше, – подумала Теодора. – Проще сохранять спокойствие, когда никто не пугает».

И тут опять усилилась качка – они приблизились к противоположной стороне «глаза урагана». Она тихо сидела, прижав сложенные ладони к груди, а потом принялась молиться и Богу, и Аллаху, взывать ко всем святым, чтобы пощадили корабль и всех, кто на нем находился. С тех пор как Теодора покинула монастырь Святой Екатерины, она никогда еще не погружалась в молитву с такой страстью.

Внезапно корабль страшно накренился и раздался оглушительный треск, отчего судно сильно трянуло. Сквозь рев шторма Теодора услышала крики. Маленькое эркерное окошко каюты разбилось, словно его вдавило внутрь, по полу рассыпались осколки стекла и полилась вода.

Она вскочила на ноги и несколько мгновений просто беспомощно стояла и смотрела, как в разбитое окно летят капли дождя и брызги морской воды. Платье ее намокло, но она, казалось, этого даже не замечала. Айрис свалилась с койки и, толком не проснувшись, закричала:

– О Аллах, спаси нас! Мы тонем! Пришел наш смертный час!

Теодора резко повернулась, рывком поставила рабыню на ноги и со всей силы дала ей пощечину.

– Глупая женщина, не кричи! Мы не тонем! Шторм разбил окно, вот и все.

Сквозь шум дождя и ветра они слышали, что кто-то барабанит в дверь каюты. Принцесса распахнула дверь, и в комнату не вошел, а практически ввалился матрос и, задыхаясь, проговорил:

– Ваше высочество, капитан прислал меня узнать, что стряслось. Я сейчас же принесу доски и заколочу окно.

– Что это был за грохот? – спросила Теодора.

Матрос поднялся на ноги, но с ответом замешкался. Потом, видно решив, что промолчать не удастся, пожал плечами и произнес:

– Сломалась главная мачта, но это не страшно: скоро рассветет, да и шторм уходит в сторону.

Опасаясь расспросов, он поспешил покинуть каюту, а Теодора сказала:

– Айрис, разбуди рабов и вели убрать осколки, а также подтереть пол: сейчас матросы придут забивать окно.

– Мама, мы тонем? – раздался тоненький голосок.

Она повернулась и увидела, что Халил с широко раскрытыми глазами сидит на своей кровати.

– Нет, мой ягненок! – Теодора принужденно засмеялась. – Просто ветром выбило окно и мы здорово перепугались, вот и все.

Через несколько минут все было готово: из рамы тщательно удалили остатки разбитого стекла, забили отверстие досками и закрыли занавеской. Шторм стих. Теадора решилась выйти на палубу и была потрясена разрушениями. Главная мачта была сломана, как и большая часть второй из трех мачт. Паруса на оставшихся реях превратились в клочья и трепыхались на ветру. Было ясно, что теперь придется полагаться только на рабов и весла, – по-другому судно двигаться не сможет. Теадора пожалела этих несчастных: как они пережили ночь? – и мысленно взяла себе на заметку, что нужно будет узнать, есть ли среди гребцов христиане, чтобы потом выкупить их из рабства и дать им свободу. С тех пор как стала матерью, Теадора взяла себе за правило заниматься этим. Выкупив, она отправляла их в Константинополь, на свободу.

– Ваше высочество, с вашими людьми все в порядке?

Услышав голос капитана, Теадора обернулась.

– Да, благодарю вас. До того как разбилось окно, было тепло и сухо. Как дела у команды корабля?

– Мы потеряли четырех гребцов и двух матросов – смыло за борт. Проклятый надсмотрщик! Прошу прощения, ваше высочество. Когда налетел шторм, я велел ему расковать цепи гребцов, на всякий случай, а он не выполнил приказ, вот они и утонули на своих скамьях. Как только мы уберем эти обломки, надсмотрщик будет наказан. Я советую вам спуститься вниз, госпожа: это зрелище не для дам.

– Я так и сделаю, капитан. Но я так счастлива, что мы дожили до рассвета, что хочу еще немного постоять на палубе.

Капитан с восторгом посмотрел на нее и проговорил:

– Надеюсь, ваше высочество простит мне мою дерзость, если я скажу, что вы очень храбрая женщина. Я горжусь, что мне довелось с вами плыть.

Он покраснел, смущенный, и поспешно удалился.

Теадора довольно улыбнулась. Эти несколько месяцев за пределами Бурсы были чудесными. Она наслаждалась жизнью. Мир оказался совершенно удивительным, и ее совершенно не радовало возвращение в гарем, к нескончаемой скуке и постоянному обществу других жен. Теадора посмотрела на радугу, раскрасившую серо-голубое небо, и вдруг поняла, что восток находится совсем не там, где можно было ожидать. Остановив проходившего матроса, она спросила:

– Штормом сбило корабль с курса?

– Да, ваше высочество. Мы южнее, чем следовало, но капитан это скоро исправит.

Поблагодарив матроса, Теадора вернулась в каюту. Айрис готовила на спиртовке кофе, а кок прислал небольшую корзинку с сушеными фруктами, подогретым вчерашним хлебом и куском твердого сыра. Халил, уже одетый, прежде чем бежать на палубу, проходя мимо Теадоры, прихватил пригоршню сушеных фруктов и возбужденно произнес:

– Капитан сказал, что я могу постоять у штурвала, пока они прибирают на палубе.

Теадора отпустила сына и знаком приказала рабу-телохранителю следовать за ним, потом обратилась к Айрис:

– Я так устала, что кусок в горло не лезет, – всю ночь молилась. Я лягу и попытаюсь поспать, а ты разбуди меня в полдень.

Она уснула едва ли не раньше, чем голова коснулась подушки, но поспать столько, сколько намеревалась, не получилось: солнце разбудило Теадору еще до того, как это успела сделать Айрис. Некоторое время она лежала на спине в блаженной полудреме, убаюканная мерным покачиванием судна. В каюте она была одна, сквозь наспех прибитые доски в окно пробивалось солнце. По мере того как Теадора просыпалась, к ней возвращалось ощущение реальности. Вдруг она осознала, что откуда-то сверху доносятся странные звуки: свист, удар, стон; свист, удар, стон... Теадора мгновенно окончательно проснулась. Похоже, на палубе наказывают надсмотрщика. Но ведь там Халил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.